

Глава 9

Ундикоплов на Алтае

Пасеки по алтайской реке Убе, о коих рассказывается в донесении о захвате скита Владимира Трегубова, и доныне славятся отменным своим кипрейным медом. Мы сами убедились в этом, когда впервые посетили те места в июне 1970 г. На горных алтайских лугах цветущие лиловые метелки кипрея стояли куда выше человеческого роста сплошными зарослями, наш маленький экспедиционный отряд однажды даже заблудился в них. Пришлось по бездорожью спускаться горным склоном к Убе, чтобы понять, куда мы зашли. Два десятка пустынниц, живших тогда в этих краях, и с дюжину местных крестьян, населявших эту долину и по традиции помогавших инокиням, почти все держали ульи. На самой большой скитской пасеке матушки Мастралеи, что расположилась близ заимки Гусляков ключ, за 1969 г. накачали 40 больших фляг прекрасного меда (по 50 литров во фляге). Последние годы летом на поляну у скита прилетал даже вертолет из райцентра Королевки — меняли полные фляги на порожние и за мед платили очень неплохо, по словам матушек, — по целых 2 рубля за литр. Мастралея не без гордости рассказывала мне, что их мед хорошо идет в Англии: вертолет присылала местная промкооперация и прямо в Королевке его фасовали, как полагали матушки, в «английскую посуду» для продажи за рубежом.

Скиты по Убе сейчас относятся к поморскому согласию мира старообрядчества, в этих краях куда более открытому, чем часовенные. Из нескольких ниточек, приведших нас на Убу известиями, что там еще сохранилась скитская жизнь, главная протянулась в Новосибирск из Риги. Там тогда жил мой добрый знакомый наставник Иван Никифорович Заволоко — мы встречались с ним в домах новосибирских поморян, и репутация моя была перед ним еще раньше засвидетельствована из Пушкинского дома самим Владимиром Ивановичем Малышевым, коего Заволоко очень уважал. Иван Никифорович был человеком со сложной и пестрой судьбой. Ему довелось посещать известный *seminarium Kondakovianum* в Праге — важный культурно-исторический центр русских эмигрантов и даже торговать в лавочке российских древностей в Париже, близ Нотр-Дама. Он рассказывал мне, что в Париже он держал в руках то самое Друцкое евангелие XIV в., которое станет позднее жемчужиной Тихомировского собрания СО РАН. Договор 1939 г. Гитлера со Сталиным и присоединение Латвии к СССР привели к тому, что Иван Никифорович оказался в

конце концов на несколько лет в советском концлагере. Но затем его выпустили, разрешили жить в Новосибирске, где он одно время возглавлял местную поморскую общину. Однако еще до моего переезда в Новосибирск он смог вернуться в Ригу, где тогда был один из двух общесоюзных центров согласия поморян. Заволоко очень ценил старообрядческие древности, до 1939 г. он даже издавал в Риге журнал «Родная старина», где подчас публиковал интересные исторические источники. Его хорошо знали в кругах ученых-археографов, а позднее он прославится тем, что обнаружит у подмосковных староверов ценнейший Пустозерский сборник XVII в. с Житием протопопа Аввакума, написанным рукой самого огнепального протопопа. Владельцы соглашались уступить эту рукопись Пушкинскому дому за 5 000 рублей; Академия наук стала срочно и не очень-то успешно разыскивать столь колоссальную сумму, но тем временем Иван Никифорович сумел сам выкупить манускрипт и подарить его в Пушкинский дом в Древлехранилище имени В. И. Малышева.

Убинские пустыnnики, в отличие от енисейских, охотно фотографировались, и я послал зимой 1970–1971 гг. несколько фотографий Ивану Никифоровичу; он был очень доволен и сумел сообщить на Убу о своем одобрении моей работы — и как археографа, и как фотографа. Это хорошо сказалось на отношении к нам убинских жителей летом следующего сезона — 1971 г.; нам показали куда больше книг, и почти 20 из них мы увезли в своих рюкзаках, обменяв на нужные им книги.

Но вернемся к июню 1970 г. Весь день перед началом нашего пути на Убу мы провели в домах ленингорских родственников убинских пустыnnиц, уточняя наш маршрут, возможные способы передвижения, а заодно и особенности тамошней поморской веры, отношение к двум соперничавшим на Рудном Алтае способам церковного пения — «наречного» и более строгого «онного». Лишь ближе к вечеру мы погрузились в крохотный вагончик местной узкоколейки, построенной уже очень давно для связи с горняцкими поселками и предприятиями. Мы изрядно устали и с радостью улеглись на каких-то белых мешках, показавшихся нам чуть ли не лучше пуховых перин. Кроме нас в этом вагончике никого не было, под перестук колес спалось особенно хорошо. Утром я с удивлением прочитал маркировку на мешках и убедился, что спали мы на взрывчатке — ее доставляли горнякам. Сошли на полустанке «39-й километр» у берега Убы, крохотный паровозик с вагончиком покати́л дальше, а мы двинулись тропой вниз по реке к поселку с веселым названием «8 Марта».

Недалеко от поселка расположился маленький женский скит, в котором спасаются три матушки — Зинаида, Клавдия и Матрона. Скиты поморские и мы уже знаем, что главная обитель во всей этой пус-

тынножительной системе находится ниже по Убе, где живет и игуменья всех здешних инокинь матушка Афанасия. Знакомясь с тремя матушками, мы сразу же сообщаем им, что узнали о здешних скитах от Ивана Никифоровича и направляемся провести их игуменью. Это помогает рассеять первое недоверие, но разговор сначала идет с трудом. В конце концов мы узнаем, что насельники всех этих скитов ве-

*Матушки Зинаида,
Клавдия, Матрона*

дут свою линию преемственной передачи благодати от известной Выговской пустыни, от ее знаменитого киновиарха Даниила (Викулина. — Н. П.). Принадлежат они к тому направлению поморян, которые в миру признают брак и вслед за своей игуменьей полагают, что разделение на «брачных» и «безбрачных» существовало еще на Выгу изначально, причем Дании́л был «брачным», а Андрей и Семен Денисовы — «безбрачными». Впрочем, это ошибочное изложение ранней истории своего согласия служило убинским матушкам в добрых целях: они ратовали против раскола поморян на две непримиримые ветви (что наблюдалось и на Рудном Алтае). Говоря о необходимости

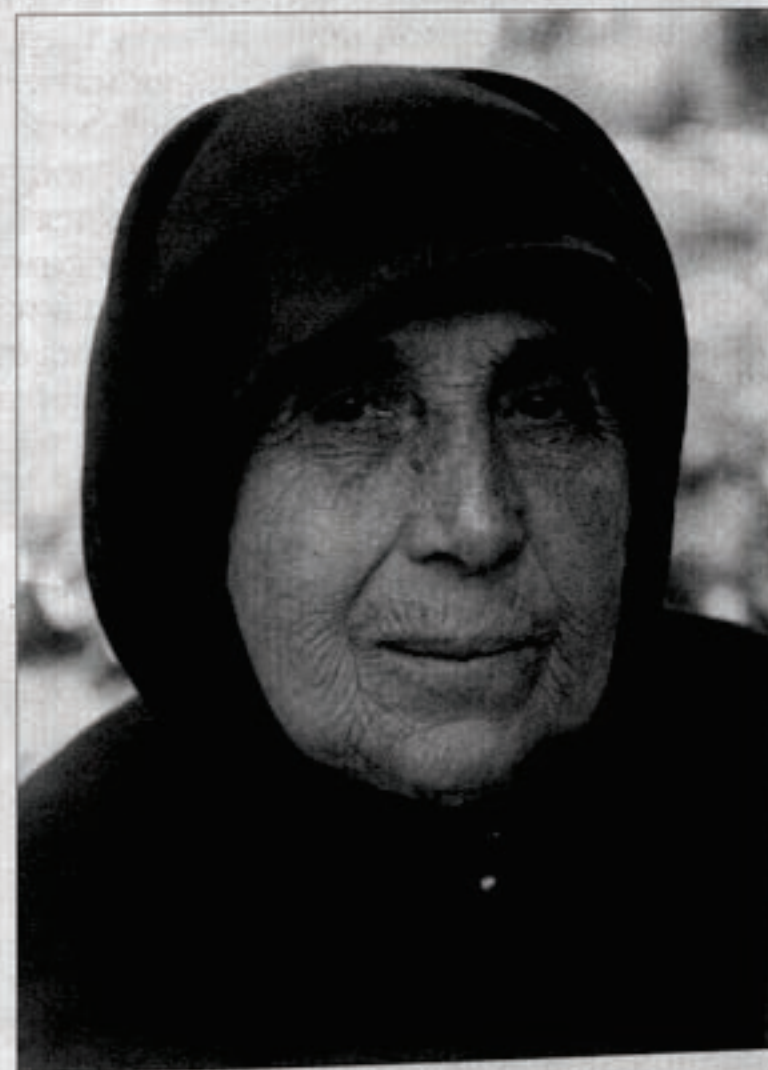
братского согласия и мира между «брачными» и «безбрачными», матушка Зинаида аргументировала это тем, что ведь Даниил, как она искренне заблуждалась, был родным братом Андрея и Семена.

Уже во время этих первых бесед мы сразу заметили, что многих строгих запретов, так характерных для енисейских часовенных, здесь не было и в помине. И в частности, как я уже упоминал, — убинские матушки любили фотографироваться. Зинаида и Матрона, как только мы предложили им это, тут же пошли надевать парадные большие мантии, и сказали, что будут с нетерпением ждать фотографий. Клавдия сомневалась, допустимо ли такое, но в конце концов поддалась на уговоры товарок, и я сделал групповую фотографию, повторив ее несколько раз. И лишь проявляя дома пленку, я заметил, что почти на всех дублях Клавдия на всякий случай сильно зажмурилась в самый момент съемки.

У матушек было общее хозяйство, совместная трапеза. Позднее мне рассказали, что, несмотря на это, окрестные поморяне особо выделяли Зинаиду как самую зажиточную: она получала пенсию за трудовой стаж — целых 43 рубля, тогда как Матрона получала по старости лишь 10 рублей, а Клавдия 8 рублей 50 копеек в месяц. На Убе не было жарких енисейских споров о том, допустимо ли получать пенсию от антихристовых властей, было лишь житейское затруднение: как из этой глуши добираться до кассы райсобеса. Один-два раза в год убинские матушки выбирали для такой поездки одну инокиню, которая получала пенсию за всех — кассир уже знал, что это делегат от всех матушек и что недоразумений тут не будет. Позднее мы узнали, что у убинских пустынных был еще один источник дохода, хотя и не очень регулярный: за чтение сорокоуста при погребении «мирских» староверов им платили 100–150 рублей. Но и тут были свои сложности — недавно возник спор о том, можно ли было по древним правилам поморского согласия отпевать тракториста соседнего поселка, который в весьма пьяном виде не справился с управлением и сорвался с горного склона, — не следует ли его приравнять к самоубийцам.

На наши расспросы об обрядовых и вероучительных деталях жизни убинских скитов матушка Зинаида посоветовала обратиться за ответом к их игуменье, матушке Афанасии, и мы отправились в ее скит. Небольшую часть пути удалось сделать на попутной геологической машине, дальше пошли пешком. Вокруг были места удивительной красоты — живописные повороты реки, скалы, порой почти вплотную подходившие к воде и оставляющие лишь узкую полоску для нашей тропы. В более широком месте сделали в светлой роще обеденный привал, но долго отдыхать не пришлось — погода начинала портиться. Мы успели все же добежать до обитаемых мест — до поселочка Гусяковка из двух домов.

В одном из них жил местный «мирской» наставник Никифор Назарович (вскоре он примет постриг и станет духовным отцом инокинь соседних скитов). Едва мы вошли в его гостеприимный дом, как стеною хлынул ливень. Часа два-три скоротали за неторопливым разговором и травным чаем с прекрасным медом. Ливень кончился, засветило солнце, пора было двигаться дальше. Скит Афанасии был по

Игуменья
матушка Афанасия

другую сторону Убы. Хозяин вышел посмотреть на реку и, вернувшись, сообщил, что вода в ней сильно прибывла и вброд пешком не перейти, только на коне. Он дал нам в проводники через реку своего подростка сына и пару коней. Так я впервые в жизни «всел на конь». Первый блин вышел комом: посреди Убы лошаденка поскользнулась, упала на передние ноги и стала клониться на бок. Дело спас наш проводник, который быстро схватил мою лошадь под уздцы и прокричал ей пару грозных (но вполне цензурных!) слов. Переведя через реку, он нас «наставил на путь тропинкою» и вернулся домой с лошадьми.

Отойдя немного, мы остановились на лесной полянке обсушиться и просушить намокшие вещи. Среди них оказалась и вся наша денежная казна — более тысячи рублей, которые, как на зло, в институтской кассе выдали нам одними трешками. До сих пор в глазах живописная картина, как я, разложив купюры на поляне, зорко наблюдаю, чтобы ветерок не унес ни одну из них.

Матушка Афанасия встретила нас приветливо, повела погреться к жарко натопленной печи. В скиту тогда кроме нее жили инокини Меланья, Акилина и Елена, родная мать Акилины. Меланья недавно поселилась здесь, приехав из поморской общины на Кубани, в Белореченске. Она была единственно трудоспособной в этом маленьком поселении, но зато человеком очень деятельным и энергичным. Она вела оживленную переписку с кубанскими своими знакомыми и уже почти уговорила двоих из них переселиться к ней на Убу, прикидывая, где их разместить. Основная постройка скита размером 5×7 метров, с сенями, была лет 15 назад куплена и перевезена за 1 800 рублей «старыми деньгами». Здесь в двух комнатах находились молельня и жилая

Матушка Меланья с кубанскими гладиолусами.

Долгие разговоры в скиту матушки Афанасии о жизни, судьбе...

И о выращивании клубники в Сибири (З.В. Бородина и матушка Меланья)

келья. Расторопная Меланья присмотрела еще один сруб чуть поменьше и купила его в 1979 г. задешево, как она говорила — за 100 рублей новыми деньгами. Но привезти и поставить его стоило очень дорого — рабочие брали целых 10 рублей за день работы, да еще пиво пришлось им варить все время. Сруб уже стоял со стропилами, но пока еще без кровли — и нас поселили в нем. В скиту была еще баня, амбар, пара огородов соток на 6–7, красивый цветник. Этот последний был предметом особых забот Меланьи — она привезла с Кубани луковицы гладиолусов, семена цветов и выдержала изрядную полемику с местными матушками, укорявшими Меланью, что подобная радость мирской жизни не приличествует иноческому чину. (И впрямь, это был единственный цветник, который я видел в скитах Сибири.) За дни, что мы провели в этом скиту, матушка Меланья не раз разговаривала со мной об уходе за цветами, а с моей женой Зоей — об особенностях культивирования в Сибири «виктории» (клубники).

Матушка Афанасия, державшаяся с немалым достоинством, сначала проверила, как мы знаем христианские богослужебные и четьи книги, как умеем читать их. Проверка шла на скитских книгах — Прологе московского издания 1642 г., рукописных Апокалипсисе и Обиходе. Более всего матушке понравилось, что книги эти неплохо читала и наша студентка Лена Журавлева, вполне выдержавшая столь живописный экзамен по палеографии.

Игуменья убинских скитов родилась в 1886 г. далеко от Сибири — в с. Пушкарево Курской губернии. Отец умер, когда ей было 8 лет, матери пришлось одной поднимать шестерых малых детей, жили трудно. В 20 лет будущая Афанасия уехала на заработки в Москву. Через три года она повстречала там известного наставника и умелого полемиста Горбунова — гектографированные записи его выступлений на вероучительных спорах мы встречали уже несколько раз в библиотеках староверов. Горбунов сказал ей, что в городе она выучится только наряжаться да пить чай, пусть лучше едет в поморский монастырь на Убу к матушке Ираиде. Вскоре эта последняя оказалась по каким-то монастырским делам в Москве и по рекомендации Горбунова взяла ее с собой назад; в 1911 г. она приняла в убинской обители постриг.

Матушка Афанасия рассказала нам историю этого монастыря, позднее ее рассказ подтвердили и дополнили еще две жившие там до 1933 г. инокини — Мастрасея и Анастасия. Покровский монастырь был основан на левом притоке Убы р. Банной в 1896 г. — перед коронацией Николая II, как помнили и сегодня на Убе. Основательница обители м. Анна позднее постригла там двух скитниц, Ираиду и Ири-

Матушка Афанасия подвергла участницу нашей экспедиции студентку НГУ Лену Журавлеву строгому экзамену по русской палеографии. Она его успешно выдержала, и нам стали показывать древние рукописи скита

ну; обе они по очереди стали позднее преемницами Анны по руководству монастырем. Нам показывали старинные коричневые фотографии всех трех матушек. Строить и содержать монастырь помогал барнаульский заводчик — поморянин Андрей Иванович Морозов, впрочем, и знаменитые московские, орехово-зюевские текстильные фабриканты Морозовы знали м. Ираиду и помогали ей. В монастыре построили моленную, трапезную, келарню с кухней, баню с прачечной, жилые кельи, амбары, конюшню. Рогатый скот в монастыре не

*Матушки Ираида (справа)
и Ирина*

держали («чтобы не отвлекал от молитв»), но коневодством понемногу занимались — лошади нужны были для транспортных нужд, а потом, когда развели хорошую породу, их и на продажу выращивали. При монастыре были огороды, пасеки, но хлеб не сеяли. Муку и другие припасы привозили паломники — для посетителей поставили даже отдельный сруб. В голодные годы соседние крестьяне оставляли в монастыре малолетних дочерей своих — их воспитывали, учили чтению, письму, пению, церковной службе. Потом кто-то из них оставался в монастыре, а кто-то уходил «в мир». Таких, как рассказывала Анастасия, стыдили на соборах, накладывали многолетнюю епитимию.

Жили в монастыре послушницы и монахини; последних к моменту разгрома обители было 50 человек. И тех и других приучали либо к хозяйственным работам, либо к более глубокому знанию цер-

Матушка Афанасия разрешила нам сделать свою парадную фотографию. На следующее лето, после кончины игуменьи, скитницы повесили эту фотографию в своей молельной

ковных книг и церковной службы — было такое разделение в общезначительном этом монастыре.

Гонения на верующих 1920-х годов монастырь пережил. Несколько раз приезжало какое-то начальство, агитировало уходить из монастыря, кое-кто послушался, но лишь немногие. Сам монастырь тогда не разорили, беда пришла лишь с коллективизацией. Она проходила здесь бурно и опустошительно — я с удивлением узнал, что когда-то вся эта часть убинской долины имела гораздо более плотное земледельческое население. М. Анастасия рассказывала, что незадолго до разорения Покровского монастыря им был знак в 1933 г. однажды вечером, как только отзвонили благовест к вечерне, в восточную стену молельни как будто что-то сильно ударило, звук был вроде выстрела. И все иконы упали на пол, хотя были крепко прикреплены к кольцам. А когда подняли иконы, на щеке Спасителя была слеза. Все поняли, что нужно готовиться к крупным неприятностям.

Но было и вполне земное предупреждение — за пару дней до готовившегося разгрома о нем предупредил инокинь тогдашний председатель сельсовета, тайный старовер Амос Данилович. Игуменья м. Ирина тут же разделила все иконы и книги между монашками, а один сундук удалось надежно спрятать. Обитательницы келий срочно стали покидать их, большинству это удалось, оставшихся арестовали.

Среди последних была и м. Афанасия, ставшая уже к тому времени уставщицей (начинала она свою монастырскую жизнь работницей на конюшне). Ей довелось в советские времена быть в заточении трижды. В общей сложности она провела в неволе 7 лет — в тюрьме, в лагерях Тайшета и Караганды.

Матушка Афанасия с гордостью говорила нам, что все эти годы она держала приличествующий инокиням пост и никогда, даже в бане, не расставалась с малой мантией и прикрепленному к ней медному образку святителя Николая Мирликийского. На волю она вышла в 1944 г., когда, по ее словам, из лагерей «выпускали всех никонианских попов». При этом какой-то важный следователь, коего мне матушка именovala «наркомом», посоветовал ей вернуться на Убу и приписаться там к какому-либо промхозу, ибо теперь время колхозное и единоличников быть не должно. Но Афанасия уже достигла пенсионного возраста и могла на воле официально на работе уже не числиться. На Убе она нашла нескольких вернувшихся сюда инокинь, постепенно их собралось на протяжении пары десятков верст этой долины близ пепелища монастыря около 20 человек. Решили жить не вместе, но разбившись на несколько скитов, с единой игуменьей — бывшей уставщицей м. Афанасией.

Мы погостили в ее скиту несколько дней, расспрашивая о былой жизни на р. Банной, рассказывая об истории Выговской пустыни¹ и немного помогая по хозяйству. Читали книги, скитские и наши, кое-что поменяли. Матушка Меланья вызвалась проводить нас до двух следующих скитов вниз по Убе. До первого из них, м. Манефы, была лишь пара часов ходу по небольшому плоскому пригорку, сплошь заросшему высоченными зонтичными растениями — дудлами и пучками, как их называли еще путешественники XIX в. Скит Манефы небольшой: жилой сруб из двух комнат (одна из них — молельная) да впритык к нему сарай. Но зато рядом большая пасека. Кроме Манефы здесь жила еще м. Павла и послушница Евфимия. В скиту этом кроме служебных книг было несколько сборников XVIII–XIX вв. с душеспа-

Пасека скита матушки Манефы

¹ В этом скиту был рукописный сборник XVIII в. с постановлениями выговских соборов и томик XIX в. с сочинениями С. Денисова и союзника протопопа Аввакума дьякона Федора.

сительными повестями обычного древнерусского репертуара. Здешним инокиням особенно нравилась трогательная «Повесть о царице и львице» (русский перевод с польского сделан в 1670-е годы) — об опальном царском сыне, воспитанном в пустыне львицею. В убинских скитах «Повесть» несколько раз переписывали с этого сборника, сделала себе копию и Меланья. А сам сборник нам уже в 1971 г. уступили, и он таким образом был спасен, так как в следующем году в скиту случился пожар и большинство «четьих» книг сгорело.

Послушница Евфимия на пасеке

Амос Данилович

В полуверсте от скита Манефы находился богатый, зажиточный двор Амоса Даниловича — того самого, что предупредил в 1933 г. м. Ираиду о решении властей разорить Покровский монастырь. Еще в Лениногорске мне говорили, что ныне Амос Данилович — самый состоятельный человек в тех краях: богатая пасека на четыре десятка ульев, корова, лошадь, крепкое крестьянское хозяйство. Но был он

Матушка Манефа со свежими сотами

уже в летах, 74 года непростой жизни давали себя знать. Сын настоятельно звал его перебираться к нему в Лениногорск, и переезд этот должен был состояться через год-другой. М. Манефу очень беспокоили такие прогнозы: Амос долгие годы весьма весомо помогал здешним скитам.

В скиту м. Манефы мы задержались лишь на пару часов, и м. Меланья повела нас дальше, через довольно крутой перевал в скит м. Мастрадаи. Заимка Гусяков ключ, где был расположен этот скит, — самая населенная из всех посещенных нами заимок на Убе. Кроме инокинь здесь, поодаль от скита, построены еще три «мирских» дома, принадлежащих крестьянам, тесно связанным с обителью Мастрадаи, нередко участвовавших в продолжительных скитских богослужениях, поддерживавших инокинь своим трудом. В тот год в скиту Мастрадаи кроме нее самой была только одна матушка — престаре-

Матушка Меланья вызвалась проводить нас до двух следующих скитов...

лая Анфиса да одна послушница Мотя. Она не достигла еще пенсионного возраста, и поэтому ее не постригали, хотя она и службу немного знала, а историю поморского согласия — лучше м. Зинаиды: читала Житие протопопы Аввакума, Историю Выговской пустыни писателя XVIII в. Ивана Филиппова. Но Мастрадая обещала постричь ее, лишь когда она достигнет пенсионного возраста — чтобы власти не упрекали, что в скиту постригаются «тунеядцы». Пустынницы Гуслякова ключа вообще подчеркивали нам свою законопослушность, то, что они молятся за власть, ибо любая власть от Бога. Вопрос о форме такого моления вызывал и в наши дни (как и в XVIII в.) большие споры среди беспоповцев; один тюменский наставник прочитал нам 16 разных текстов этой молитвы за власть, бытовавших в советское время на Урале и в Сибири. У м. Мастрадеи была принята довольно распространенная форма — «за державу и воинов ея». На второй день нашего пребывания в этом скиту, который приходился на день памя-

ти апостолов Петра и Павла, мы сами слышали, как инокини и окрестные «мирские» провозглашали эти слова на богослужении.

При всем своем подчеркнутым почитанием властей м. Мастрадая ярко и со страшными подробностями рассказывала нам о кровавых событиях на Убе в годы коллективизации, когда славившаяся прочным сельским хозяйством долина эта буквально была опустошена. В последний наш вечер в этом скиту его обитатели, собравшись на завалинке, перечисляли нам имена дальних и близких родственников, замученных или безвозвратно угнанных на север, в Нарымские спецпоселения.

Матушка Мастрадая в молодости

И в скиту м. Манефы, и у м. Мастрадаи нам советовали обязательно посетить на Убе заимку почитателя старых книг «заслуженного рыболова» Перфила, о мастерстве которого и умении изготавливать хитрую рыболовную снасть писали даже в советском журнале «Охота и рыболовство». Он первый ввел в этих краях обычай ловли харьюзов на спиннинги, наладив изготовление их из подручного матери-

Матушка Мастрадая

ала, — в продаже спиннингов тогда еще не было и в помине. Путь от Гуслякова ключа до избушки Перфила был вроде бы и совсем недлинный, около 10 км по прямой, но тропа все время петляла по крутым горным склонам и была доступна только на коне, ибо целых четыре раза приходилось переправляться через Убу трудными бродами. И лишь ближе к вечеру, после нескольких дорожных приключений, наш маленький караван вышел к пятистенному дому, в котором Перфил жил со своим братом Лукой.

Наши женщины занялись приготовлением ужина из богатого улова, уже плескавшегося в ведре, а я с Перфилом завязал разговор серьезный — о его книгах. Имена матушек, направивших нас к нему, как и имя Ивана Никифоровича Заволоко, быстро сыграли свою роль, и вскоре мы уже увлеченно читали попеременно вслух интереснейший сборник XVIII в. в 4°, записанный четким поморским полууста-

Матушка Мастрадая

вом. И видно, не случайно в этом доме, как и во многих староверческих домах, где веками с опасностью для жизни прятали древние книги от карателей, и веками же слышали рассказы о безжалостном их уничтожении властями, — не случайно в этом доме хозяин с особым выражением читал мне «Сказание о царе турецком Махмете, како хотел книги греческие сожечь» и как чудесное вмешательство константинопольского патриарха помешало этому. Сказание это в нашей рукописной традиции приписывается загадочному писателю-воину Ивану Пересветову, жившему при царе Иване Грозном, хотя

С. М. Соловьев и некоторые другие ученые полагали, что большинство сочинений Пересветова написал сам царь.

У заядлого книголюба Перфила была, как и у многих его соседей, пестрая и непростая жизнь. Его отец и дед жили на Банной, еще когда монастыря там не было, и отец активно помогал московским и барнаульским староверам в выборе места для него. Сам Перфил полу-

Братья Перфил (слева) и Лука, книжники и рыбаки

чил в семье хорошее традиционное образование, начинавшееся с чтения и заучивания Часослова и Псалтыри, он умел правильно построить ежедневную и праздничную службу, выбрать нужные для этого книги, хорошо пел «по крюкам» (по древнерусским нотам). Но его всегда интересовали и книги «четьи». Среди его книг, конечно же, было и одно из многочисленных толкований на Апокалипсис и Апостол — «О последнем антихристе». Впрочем, сам Перфил придержи-

вался здесь более осторожной точки зрения, согласно которой до «последнего антихриста», то есть до конца света еще далеко, а пока будет вполне обычная, хотя и крайне опустошительная война России с Китаем. Перфил читал газеты о наших спорах с Китаем, но предсказание свое основывал, конечно, не на них, а на библейской третьей книге Ездры, где говорится о «ветрах сильных с Востока», несущих огонь, и град, и мечи (III Ездры, 15 : 39–41).

Перфил помнил еще Первую мировую войну: восемнадцати лет он был призван в армию, получил ранение и в 1917 г. вернулся на Банную, женился на дочери местного зажиточного старовера и жил в доме тестя — в том самом, где мы и нашли его. Когда в 1933 г. громили Покровский монастырь, он успел спрятать некоторые из книг обители, но вскоре и ему самому пришлось несладко. Как-то раз в его отсутствие загребли многих его родственников-«кулаков». Вернувшись через пару дней, он, обеспокоенный их судьбой, даже догнал этап ссыльных и тайно шел за ним, тщетно пытаясь узнать о своих. Он рассказывал мне о страшных верстах этого пути — этап оставлял за собой умерших в пути, а выжившие постепенно бросали взятые с собой вещи, не в силах нести их. Перфил забрал дома семью и отправился подальше от Убы, где его не знали. Под Минусинском пристроился в артель старателей, мывших золото, но удачи не было; дети ходили по миру. В конце концов стал там же сплавщиком плотов, постепенно поднял семью. Но через несколько лет шоссе заменило водную дорогу, он оказался не у дел и после новых странствий рискнул вернуться на родину. Здесь места обезлюдели так, что встала проблема снабжения продовольствием геологических отрядов, небезуспешно искавших там очень нужные стране руды. Перфил стал снабжать их тайменями и харьюзами, так он стал «знатным рыболовом», хороший доход давали и ульи. Оставалось время и для чтения старых книг, вынутых из тайника, и для их толкования. Несколько наиболее для нас интересных книг перешло после сложных переговоров и обменов в наши рюкзаки, остальные, когда эти поселения на Убе перестали к концу XX в. существовать, растворились в широком старообрядческом мире.

Книги, полученные нами в тех убинских поселениях, помогли посмотреть на круг чтения алтайских поморян, в чем-то совпадающий с интересами часовенных, но во многом и специфичный. Главное отличие было в том, что убинские скиты, унаследовавшие книги Покровского монастыря, принадлежали к более централизованному согласию, которое сохранило свои связи с общероссийскими центрами в Москве и Риге. А еще ранее и игумены монастыря, и родители Перфила беседовали с такими выдающимися поморскими ораторами начала XX в., как Гусев или Пичугин; гектографированные

издания их речей, диспутов ходили на Алтае вместе со знаменитыми сочинениями первых поморян петровской эпохи братьев Денисовых. И Денисовы, и Гусев были уже приобщены к культуре и естественнонаучным взглядам Нового времени, а московские и барнаульские покровители монастыря на Банной принадлежали к кругу экономически и технически наиболее передовых предпринимателей предреволюционной России.

Серебряниковский наставник в соседней долине не во всех вопросах веры был согласен с убинскими матушками

И тем интереснее, что у убинских пустынных и крестьян весьма почиталась книга, хорошо известная раннесредневековому читателю. Это была своеобразная энциклопедия географических и космологических знаний древнего мира — написанная в середине VI в. сирийским монахом Косьмой Индикопловом «Христианская топография». Русский ее перевод был выполнен на грани XI–XII вв., но столь древних рукописей не сохранилось. Та крупноформатная (in folio, 1°), но изрядно истрепанная многочисленными читателями рукопись, что мне подарила на прощание матушка Афанасия, с первого взгляда легко датировалась по голубой бумаге началом XIX в. Но было видно и по почерку, и по многочисленным иллюстрациям, что создатель ее очень старательно копировал манускрипт XVI в. Благодаря обилию и качеству рисунков этот том был, пожалуй, самой яркой нашей находкой на Убе. Косьма не только излагал здесь восходя-

щие к Птолемею взгляды на геоцентрическое строение Вселенной, на семь твердых и прозрачных небесных сфер, движимых ангелами, но и доступным для древнего читателя языком пересказывал многие страницы Библии. А главное, он повествовал о своих путешествиях, в коих доходил он до самой Индии. Богато иллюстрированные эти рассказы пользовались особой любовью не только средневековых читателей, но и достаточно прагматичных алтайских крестьян. А были они наполнены массой вполне легендарных сведений, — например, об острове Венеция, близ коего в море резвится четвероногий копытный зверь «дельфин», или о «тоземцах» Индии, живущих близ сказочных животных, таких как «единорожец», «вепреслон», «водный конь». Эти простодушные сказочные сюжеты и картинки из далекого прошлого несколько смягчили для нас тяжелое впечатление от рассказов о разгроме Покровского монастыря, о лагерных судьбах его обитателей и покровителей, о ГУЛАГовских этапах (см. рис. 25–34 на цв. вклейке).

Глава 10

Енафья

Недавно я вновь раскрыл экспедиционный дневник, который летом 1977 г. вела наша небольшая группа из трех археографов, искавших в селах Зауралья памятники древней русской письменности и печати.

Еще в конце прошлого века в этих краях активно переписывали древние книги, их бережно хранили. Наши свердловские коллеги тем же летом обнаружили здесь хороший список яркого рассказа о восстании московских стрельцов в 1681 г., знаменитой Хованщине, подавленной правительством царевны Софьи. И хотя на нашу долю древних книг в этих деревнях уже почти не осталось, места эти запомнились надолго: нам было суждено узнать здесь о куда более близких трагических событиях, снова узнать о ГУЛАГовских этапах, но уже от самих этапирруемых.

* * *

На подворье Енафьи Кирилловны, старухи лет под восемьдесят, и в просторном ее доме все свидетельствовало о зажиточности. Ее зять неплохо зарабатывал, было и небольшое приусадебное хозяйство. В сундуке Енафьи хранились яркие народные одежды былых времен. Она с удовольствием позволила сфотографировать себя в них. И ничто не предвещало драматического накала бесхитростного ее рассказа о своей жизни. Два вечера слушали мы негромкий размеренный ее голос, лишь изредка перехватывавшийся волнением от воспоминаний о прошлых страданиях.

Двух лет Енафья осталась без матери, воспитывалась у теток. Пришлось ей и батрачить на зажиточных односельчан — деревня была из богатых. Тетки выдали ее замуж почти без приданого за парня из той же деревни. Брак был по любви и оказался счастливым, молодые жили дружно и безбедно. К чужому труду не прибегали — кулацким это хозяйство не было. Третий ребенок появился в семье Енафьи и Кирилла, когда пришел 1930 год.

И хотя имущества в этой семье было куда меньше, чем в 1977 г., они попали под раскулачивание. У Енафьи была очень бесполезная в тех условиях справка о том, что раньше она была батрачкой, — эта справка могла бы ее избавить от ссылки, но она решила разделить судьбу мужа. Младшему ее мальчику было несколько месяцев. Но у семьи — одна участь.

Сначала всех раскулаченных привезли в Тюмень, имущества — что в руках могли унести. Енафья ухитрилась захватить с собой швейную машину, которая не раз потом выручала их семью: Енафья шила женам разных начальников, иногда за это бывали кой-какие послабления. Вообще режим, судя по ее рассказам, меняли часто. Известные игры. На окраине Тюмени за колючей проволокой провели почти год, семью при этом не разделяли. Енафье удавалось даже иногда доставать с воли кое-какое продовольствие, в другие дни голодали. Умер четырехлетний сын.

Потом их сослали за Красновишерск, верст 50 севернее, на лесоповал. Я не очень-то было поверил рассказу Енафьи о том, как их встретил начальник спецпоселения Килин. По ее словам, он был из помещиков и, не скрывая этого, открыто торжествовал перед сосланными крестьянами: «Вы не кулаки, а дураки, в 1917 году помещиков громили, а сейчас власть по вам же и ударила». Уж больно неправдоподобной показалась мне сначала эта сцена, эта откровенность, но старуха не смогла бы выдумать такого.

Мужчины работали на лесоповале. У Кирилла было еще немало сил и крестьянской хватки в обращении с пилой и топором. Енафья вспоминала, что через год он был отмечен как передовик. В поселении все сильнее стало не хватать продовольствия, мука оказалась гнилой, да и той было слишком мало, с подвозом не спешили, и петля голода затягивалась все туже. Вспыхнула цинга. Прибыли в это поселение человек 450 ссыльных, но через несколько месяцев в живых остались меньше 50.

Умер и младший сын Енафьи и Кирилла, полутора лет, а однажды днем, прямо на лесоповале, Кирилл не смог справиться с очередным «баланом» и упал близ него. Енафья кинулась к какому-то начальнику (уже не Килину, другому), семью которого она тоже обшивала, добилась положительной резолюции на своей письменной просьбе о временном освобождении мужа от работы.

Все тем же размеренным старческим голосом рассказывала Енафья о его последней ночи. Кирилл пришел в себя из полузабытья и вдруг запел тихим голосом, попросив ее подтянуть. Вдвоем под ругань измученных соседей, которым опять с утра было идти в лес, они спели несколько тех деревенских протяжных песен, что пели у себя на родине еще перед свадьбой. К утру его не стало.

Енафья поняла: здесь неминуемо ей последовать за мужем и решилась на отчаянное. Подговорив с собой подругу, она, пока еще оставались силы, ушла с ней в побег: женщин не так стерегли. В поселении осталась ее дочь.

Немного словно изложила она историю самого побега, так и не поведав, как удалось им выбраться из охраняемого поселения, как шли, едва живые, первые десятки верст. Потом устроились в каком-то хозяйстве копать картошку. Но вскоре их тут схватила команда, ловившая беглых. Енафье, однако, удалось еще до того, как их вернули в зону, откупить у одного конвоира себя и подругу. В уплату пошла кра-

Енафья

сивая шаль, захваченная Енафьей еще из дома. Затем опять долгие версты пешком. Их поймали второй раз, но опять обошлось: обесим удалось бежать с дороги.

В конце концов они добрались до железнодорожной станции. Выяснилось — можно просто взять билеты и ехать. Домой, конечно. Де-

нег у обеих не было. Но тут оказалось, что Енафья ухитрилась-таки припрятать на этот случай пару золотых сережек. Так удалось вырваться из-под Красновишерска. Подруга Енафьи отделилась от нее еще на Урале, у нее были какие-то свои планы, и она звала ее с собой, но Енафья думала только о доме. Больше они не встречались.

Нашей собеседнице удалось добраться до родных краев, опять повидать Ирюм. Ее укрыли какие-то родственники неподалеку от той деревни. Но прошло лишь несколько дней, и на нее донесли. И Енафья была отправлена по этапу назад. В Тюмени опять была остановка, снова Енафья оказалась в той же зоне, где недавно еще жили всей семьей и где умер ее сын. На этот раз она была одна и решила воспользоваться давней справкой о том, что она работала батрачкой. Дело, конечно, не только в справке, были разговоры со знакомыми начальниками, кто-то сжалился, помог написать какую-то бумагу. Одним словом, чудо — выпустили! Велели ехать в родную деревню и ждать. Какого еще решения — неясно, хоть и свободная, но не вполне.

Жила, страшась завтрашнего дня. Об оставленной в спецпоселении дочери — не узнать. И тут за ней стал ухаживать односельчанин, но какой — председатель сельсовета, партиец. Енафья рассказывала, как долго колебалась, а потом все же решилась пойти за него замуж. Вот тогда-то положение ее упрочилось, и через год-другой она рискнула попытаться вернуть из ссылки дочь. При деятельной помощи второго мужа это удалось.

Теперь все страшное было позади. Но у Енафьи росла новая тревога. Пройдя через столько мук и опасностей, она не могла не верить, что лишь чудом осталась жива, вернулась на родину. И вера отцов возродилась в ней, тем более что Енафья была привычна к обычному кругу старообрядческой службы и литературы, лет с 12 умела читать не только кириллические, но и крюковые книги (крюки — древнерусская музыкальная нотация). А в традиционной старообрядческой среде ее второе замужество, брачный союз с представителем власти, числившимся к тому же атеистом, был делом не очень-то похвальным. И Енафья исподволь стала обращать своего мужа в старообрядчество урало-сибирского согласия «часовенных». Далеко не сразу ей это удалось. Енафья совершенно четко считала это своим оправданием. Некоторое время ее муж жил в подобном, так сказать, «двоеверии», отвечая немногим посвященным, что на лбу у него вера не написана. Никто не выдал его, а уже в старости он, сославшись на болезнь, окончательно отошел от дел общественных, незаметно как-то вышел из КПСС. Похоронили его по всем старинным правилам.

Енафья охотно показала нам свои книги; несколько крюковых рукописей, имевших научную ценность, она уступила Сибирскому отделению Академии наук. Вера ее была лишена фанатизма — она держала в доме, читала и «мирские» книги, одобряла работу зятя, признавала современные лекарства, пела иногда светские песни своей молодости.

Глава II

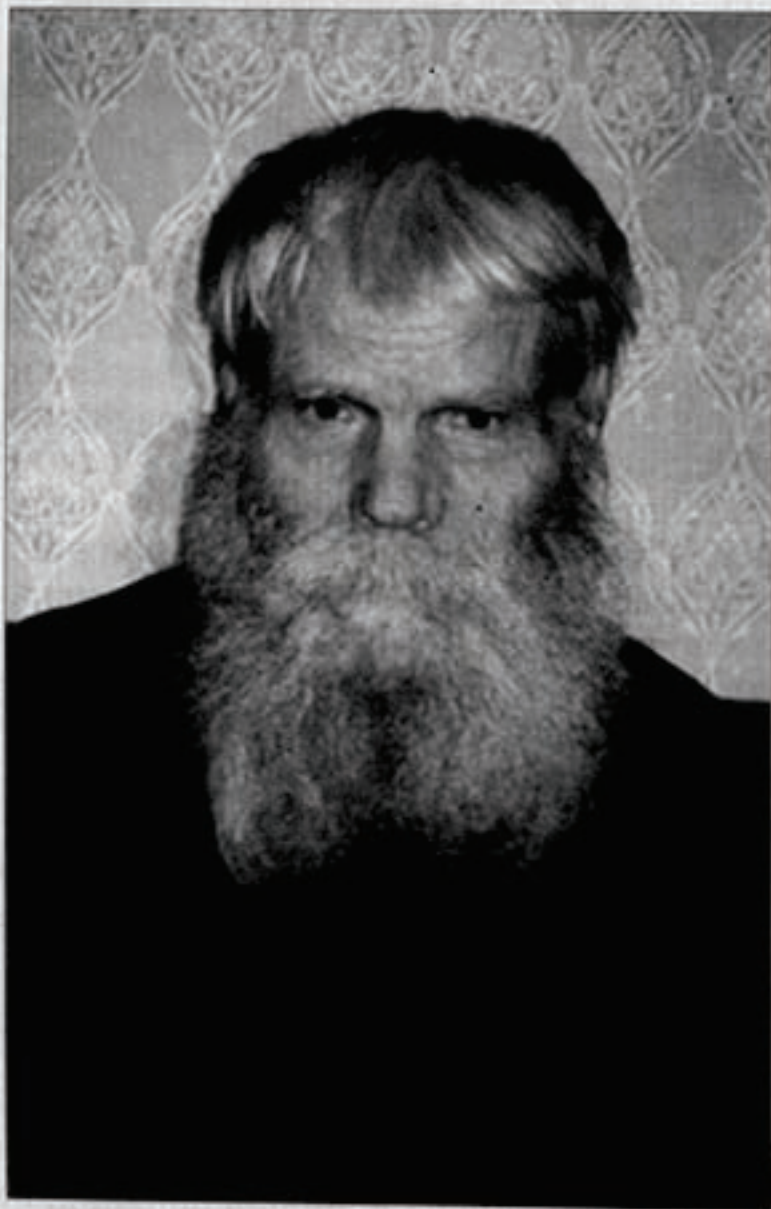

Ратерик

Во второй мой приезд в скит отца Палладия за мною, оказывался, пару дней тайно наблюдал гостивший там в то же время посланец скитов Нижнего Енисея сибирский крестьянин Иван Маркелович. Все четверо участников нашей экспедиции, конечно, не были стеснены в своих передвижениях по избышкам обители Палладия, но без приглашения мы в них не заходили, и пути наши тогда с Иваном Маркеловичем не пересеклись. Видимо, он, вернувшись, плохого о нас не поведал, староверы Нижнего Енисея стали постепенно присматриваться и привыкать к работе новосибирских археографов, у меня завелись первые, еще очень непрочные, заочные знакомства с нижеенисейскими часовенными.

Но лишь спустя четверть века наших поисков мне удалось познакомиться с человеком, несомненно, выдающимся — с самым талантливым на мой взгляд писателем-старовером XX в. Афанасием Герасимовичем Мурачевым. Его зажиточная семья когда-то жила в верховьях р. Бии, но в 1928 г., конечно же, была раскулачена; ночной побег спас тогда родителей Афанасия и его самого от ареста, и начались их многолетние скитания в поисках укромных убежищ. Они ушли на север и одно время прятались в глухой Нарымской тайге в бассейне болотистых левых притоков Оби. Но когда эти края сделают местом водворения спецпереселенцев, одним из островов ГУЛАГа, Мурачевы станут уходить и от комендатур, и от колхозов все дальше на восток. В 1940 г. Афанасий один перебирается на притоки Енисея, долго скитается, терпит голод и нужду, а в 1947 г. уходит бельцом в знаменитый среди часовенных Сибири Дубчесский скит, став учеником его влиятельного игумена и умелого писателя-полемиста о. Симеона.

Через полвека Афанасий Герасимович, известный наставник и автор многих ярких сочинений, уже седобородый старик, появился в моем доме в Академгородке, на Золотодолинской, с удивительной легкостью проделав долгий путь из восточносибирских лесов. Он уже года два-три издали приглядывался ко мне, проверяя рассказы общих таежных знакомых (начиная с Ивана Маркеловича) о таком странном явлении, как путешествия по староверческим поселениям работников нашей археографической лаборатории и коллег из ГПНТБ. Его появление у меня совпало с тяжелым временем, когда от глупой медицинской ошибки смертельно заболела моя первая жена Зоя Васильевна Бородина, участница моих экспедиций начиная с тех самых

Писатель-старовер Афанасий Герасимович Мурачев. Фотография 2000 г.

поездок 1966–1967 гг. в скит о. Палладия. Она еще успела познакомиться с Афанасием Герасимовичем, мы вдвоем посмотрели пару привезенных им тогда рукописей, полюбовались моими альбомами древних икон Третьяковки и Русского музея.

Афанасий оказался стариком очень подвижным. Хотя таежное крестьянское хозяйство отнимало у него немало сил, он постоянно путешествовал по Сибири, навещая общины часовенных, иногда отправляясь и в Европейскую Россию. Несколько раз в последующие годы он приезжал и в Академгородок. Постепенно контакты с ним перешли в основном в ведение моей ученицы Натальи Дмитриевны Зольниковой. Афанасий, бывало, останавливался в ее доме на Морском проспекте (навещая каждый раз и меня на Золото долинской), она показывала ему коллекции древних и старообрядческих книг нашего института, чита-

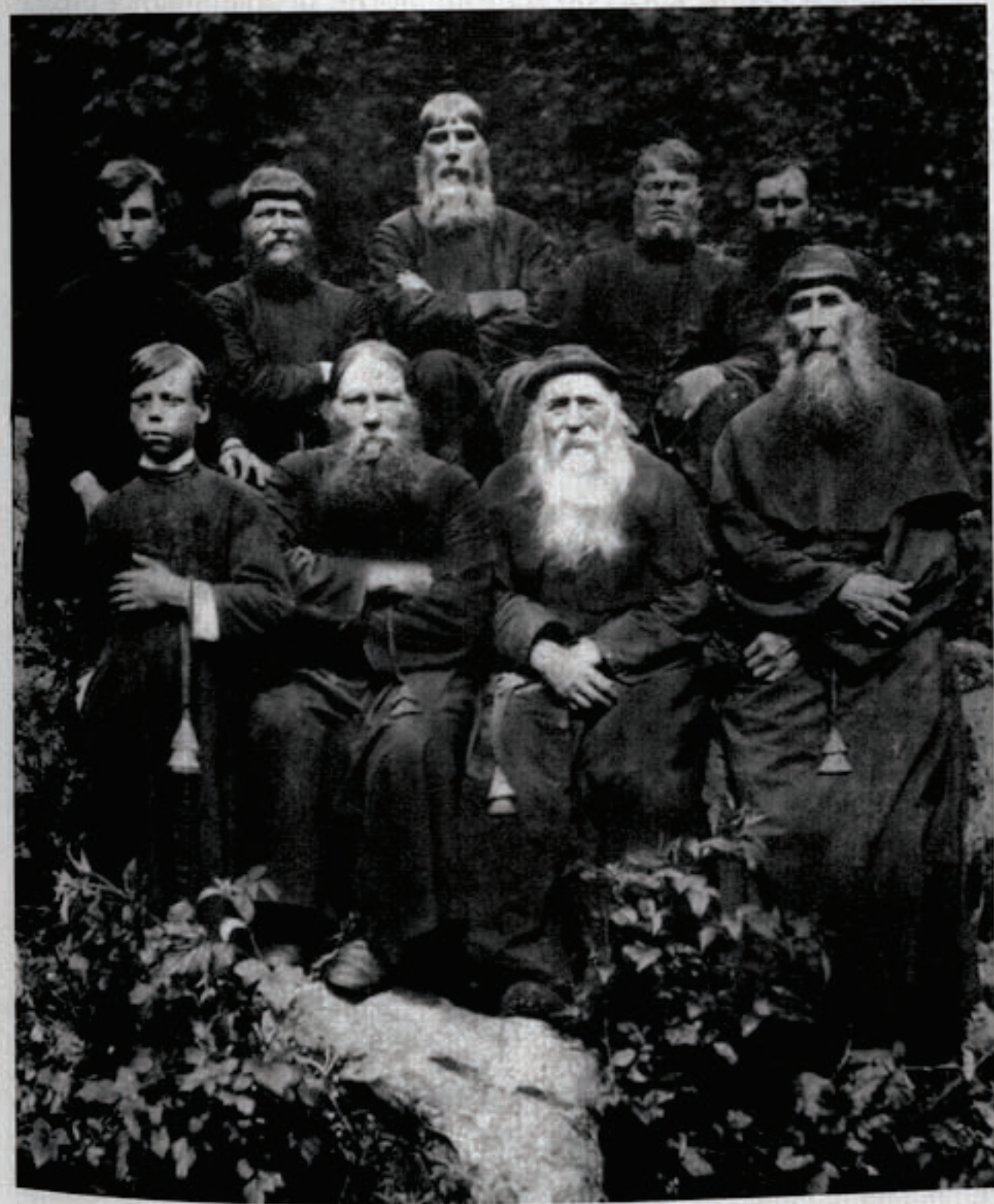
ла и обсуждала в Академгородке (а затем и в доме Афанасия на Енисее) сочинения старцев Дубчесского скита, самого А. Г. Мурачева. В ходе этих многолетних контактов наше собрание рукописей стало пополняться все новыми и новыми сочинениями урало-сибирских староверов XVIII–XX вв.; большинство текстов не было ранее известно ни нам, ни другим исследователям, какие-то мы уже успели издать, но в совершенно иных редакциях. Все 1990-е гг. Наталья Дмитриевна и я постепенно вводили их в своих статьях и книгах в научный оборот. А в 2002 г. мы с ней опубликовали совместную обобщающую монографию, посвященную в немалой мере творчеству А. Г. Мурачева и историческим корням его сочинений. И в книге этой удалось проследить преемственный почти трехвековой путь урало-сибирской народной литературы староверов от Мирона Галанина и его предшественников до 90-х годов века двадцатого!

Дело в том, что из подаренных нам Афанасием Герасимовичем текстов сочинений дубчесских пустынников (включая его самого) сразу же обнаружился важный факт: скит о. Симеона был преемником того самого уральского скита, которым в XVIII в. руководили отцы Дионисий и Максим, а конце XIX в. — о. Нифонт. И в скиту этом никогда не терялась нить преемственного литературного творчества, там знали, бережно переписывали сочинения и Мирона Галанина, и о. Максима, и о. Нифонта. О «Родословии» о. Нифонта на Дубчесе вспомнили, когда в 1940-е гг. о. Симеон задумал и начал со своими учениками осуществлять главный литературный труд своей жизни — огромное собрание рассказов о жизни и подвигах пустынников главного скита часовенных и поддерживавших его крестьян — с XVIII в. до современности. Труд этот опытный дубчесский писатель, уже написавший к тому времени несколько ярких полемических произведений на волновавшие староверов богословско-политические темы, решил создать в традиционном жанре христианской литературы — жанре патерика. В этом жанре он развивает на многих примерах стойкости старцев трех веков перед лицом жесточайших преследований властей главную идею всего предыдущего своего творчества: силы зла именно в советское время стали особенно душепагубными, исполняются все указанные в древних христианских текстах приметы приближения царства торжествующего Антихриста. Недаром «пролетарская» власть насильно сгоняет народ в колхозы, кооперативные и иные «союзы», а лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» говорит о давно предсказанном объединении всей земли Антихристом.

О. Симеон старался привлечь многих единомышленников к созданию своего большого исторического труда (он назвал его Уральским патериком, ведь в XVIII–XIX вв. скит его располагался на Урале,

но и Сибирь заняла в этом патерике немалое место, так что мы будем называть его Урало-Сибирским). Собрав полезные для этого труда книги Священного писания, труды отцов Церкви (в его скиту хранилось более 500 древних томов!), сочинения о. Нифонта, староверов XVIII в., труды местных историков, о. Симеон призвал пустынников, их родственников, близких к скитам крестьян записывать все, что было им известно о прошлых и настоящих деяниях монахов и монахинь, видных людей согласия часовенных. Рассказы эти собирались и редактировались в Дубчесском скиту, сам игумен даже учил своих крестьянских иноков каким-то основам литературного труда, ведению письменной полемики на заданную тему. Так возник первый том Урало-Сибирского патерика; после гибели о. Симеона в 1953 или 1954 г. в советском концлагере (в Озерлаге), его ученики продолжили Патерик в соответствии с выбранным учителем замыслом и приемами. В настоящее время он состоит из трех томов, включающих 212 глав, а последние описанные в нем события относятся к 1991 г. Во всей этой работе самое активное участие принимал Афанасий Герасимович, автор и редактор многих глав трехтомника.

В первых главах Урало-Сибирского патерика широко использовались «Родословие» о. Нифонта и его источники, а также продолжения «Родословия», написанные преемниками Нифонта о. Саввой и самим о. Симеоном. Так в Патерике возникает история главного скита часовенных от времен Дионисия и Максима до Нифонта и его учеников. Нифонт еще около 1882–1883 г. ощутил необходимость поиска для своей обители более укромных мест и перевел ее из западной части Среднего Урала, с р. Сылвы, на восток, в «тюменские пределы». Здесь, в Ялutorовском уезде Тобольской губернии, сравнительно недалеко от исетских сел, где когда-то звучали призывы к стойкости Мирона Ивановича Галанина, он размещает свой скит в лесу заимки братьев Калмыковых, крупнейших предпринимателей и весьма авторитетных старообрядцев, в 8 верстах от дома гостеприимных хозяев заимки. Но и здесь становится небезопасно. Около 1892 г., уже после смерти о. Нифонта (он умер 26.01.1890), в два приема основная часть скита переводится его преемниками о. Силуяном и о. Саввой на правобережье Оби, в бассейн р. Чулым, километрах в полтора-два севернее Томска. Более чем за тысячу верст приходилось тайно перемещать хозяйство скита, а также огромное количество книг и икон. На Чулыме все создавалось заново даже не на пустом месте, а в таежных зарослях, где пустынники при трудовой поддержке нескольких семей тюменских и томских крестьян расчищали землю под пашню, ставили постройки и т. д.

Староверы-часовенные во время моления на Веселых горах (Урал), у могил основателей главного скита часовенных. Фотография начала XX века

Однако в 1917 г., когда по терминологии пустынников в стране настало «смятение», и здесь стало беспокойно, было решено сниматься и с этих уже обжитых мест. О. Савва с большинством скитожителей и поддерживавших их крестьян перебирается сравнительно недалеко, но в гораздо более глухие болотистые места левобережья Оби, на р. Парбиг (в «Колыванскую тайгу», как называли эти места сами мо-

Часовенные Невьянского завода у «большой» часовни. Фотография начала XX века

нахи). О. Силуян тогда же выбирает путь куда более долгий — на Дальний Восток, где создает с местными пустынножителями скиты на левом берегу р. Улунги, притока р. Бикин (Приморский край). После смерти о. Силуяна эта группа скитов будет разгромлена властями в 1932 или 1933 гг.

В феврале того же 1917 г., когда на запад и на восток разъехались скитожители с Чулыма, из старых насиженных тюменских мест близ Исети отправился на восток осколок скита о. Нифонта во главе с о. Игнатием. Он обосновался в верховьях Енисея; именно здесь в 1966 г. мы и посетили группу скитов, возглавлявшуюся преемником о. Игнатия о. Палладием и впервые познакомились там с книжицей в 8°, переплетенной в оленью кожу и содержавшей сочинения уральских часовенных XVIII–XIX вв.

Вместе с мужским скитом отцов Нифонта и Саввы перемещались и женские скиты, бывшие под их руководством. Возникновение одного из них связано с именами инокинь-схимниц сестер Феодоры и Зинаиды. Скит их еще в 1870-х гг. располагался недалеко от скита о. Нифонта у д. Кедровки близ р. Сылвы. Около 1882–1883 г. основная часть этого скита переместилась оттуда вместе со скитом о. Нифонта в «тюменские пределы» на заимку Калмыковых. Когда в 1892 г. отцы Савва и Силуян переводили свой скит на правобережье Оби, за ними последовала часть инокинь во главе с иг. Мелетиной (Кунгурской), они в количестве 12 человек поселились на р. Юксе, в 10 верстах от Чулыма с его мужским скитом. В 1917 г. м. Мелетина переводит своих скитниц в Колыванскую тайгу близ Парбига, где только что обосновался переместившийся с правобережья Оби скит о. Саввы.

Другая часть тюменского скита м. Мелетины во главе с ее помощницей м. Александрой с заимки Калмыковых направилась в 1892 г. не на восток, а на запад — на Черную гору у д. Кедровки на Сылве. Но затем отсюда большинству скитниц пришлось уходить опять на восток, сначала, в 1912 г., сравнительно недалеко — под Нижний Тагил, а в 1922 г. — еще восточнее, на приток Пышмы р. Танаевку, что в 40 км на запад от Тюмени, где в XVIII в. был еще один значительный центр часовенных. Когда в конце 1920-х — 1930 гг., после начавшегося разгрома, группа женских скитов стала разъезжаться с Танаевки, часть монахинь уехала в Колыванскую тайгу, а другая часть во главе с преемницей м. Александры м. Еванфией сначала на несколько лет вернулась на р. Сылву, ближе к ее верховьям у д. Большая Бизь. В 1932 г. и этот скит отправился в Сибирь, в Колыванскую тайгу на р. Тавангу — поближе к скиту преемника о. Саввы о. Симеона.

В этом последнем перемещении участвовал еще один известный женский скит Урала — Сунгульский, об обитательницах коего Урало-Сибирский патерик рассказывает подробнее всего. Несколько глав и отдельных эпизодов Патерика посвящено членам двух уральских семей, игравших важную роль в истории этого скита. Это семьи Людиновских и Меренковых, живших в конце XIX в. в поселке Кыштымского завода близ Каслей. Хотя это был заводской поселок, известный

своим знаменитым литьем, обе семьи вели крестьянский образ жизни и были хорошо знакомы со всем циклом сельскохозяйственных работ. В будущем пустынноцами станут Татьяна Михайловна и Александра Михайловна Людиновскы (м. Тавифа и м. Алевтина), Елена Васильевна, Анна Васильевна и Мария Васильевна Меренковы (матушки Елена, Анатолия и Мелетина — «Сунгульская»).

Дети из обеих семей дружили между собой. Татьяна, старшая в семье Михаила Людиновска, родилась в Кыштыме в 1886 г.; на шестом году ее жизни, то есть около 1891 г., вся семья временно переехала в благодатные для хлебопашества сибирские края, в деревню Быструю на Среднем Енисее, под Минусинском. Там в этой семье примерно в 1894–1895 гг. родились дети Афанасий и Александра, будущие о. Антоний и м. Алевтина, а около 1902 г. семья вернулась на Кыштымский завод.

Другая семья — заводского жителя Василия Меренкова — из поселка не выезжала. Старшая дочь Елена родилась около 1882 г.; с семнадцатилетнего возраста она пыталась стать пустынноцей, и вскоре ей это удалось. В ее скит на озере Сунгуль через несколько лет, то есть около 1903 г., приходит ее десятилетняя сестра Анна вместе с третьей, восемнадцатилетней сестрой Марией и двумя сестрами Людинсковыми Татьяной и Александрой.

Сунгульский женский скит возник близ запустевшего к тому времени старинного мужского скита. Накануне создания женской обители, по свидетельству м. Анатолии, на Каслинском заводе делались попытки совмещения скитской жизни с семейным укладом. Историкам старообрядчества подобные попытки известны в разных регионах и в разное время. Но на Урале в конце XIX в. это не одобрили: незадолго до описываемых событий родители забрали назад девицу Феодосию Устиновну Дорогину (будущую сунгульскую м. Феклу) из подобной кельи на Каслинском заводе, где некий о. Никон жил вместе со своей женой и дочерью. Вскоре в келью на Сунгуле ушла семнадцатилетняя Елена Васильевна. Там жила мать Феодосии и еще три старушки, соблюдавшие монашеский устав, не будучи постриженными в монахини. Отец, однако, вернул Елену домой. Родители согласились отпустить Елену и Феодосию в сунгульские кельи лишь около 1900 г., когда там появилась первая монахиня — черница Ксенофония. Вскоре обе «сия девицы получили ангельский чин: Феодосию накрывала м. Глафира, нарекла ее черницей Феклой, а Елену — о. Григорий, имя ей не переменял».

Так начиналась история нового скита. Вскоре население скита превысило сорок человек, а в голодные 1921–1922 гг. обитель пришлось разделять и перемещать все дальше на восток в поисках убе-

жища от властей. Но при всех этих сложных перемещениях сунгульские старицы сохраняли удивительно прочную связь, преемственную систему авторитетов.

Каждый раз было очень тяжело расставаться с обжитыми местами, с таким трудом отвоеванными у тайги. Понятно поэтому, что пустынноики сочинили немало поэтических плачей по оставляемым скитам с их часовнями, налаженным хозяйством, могилами прежних наставников. Несмотря на целенаправленное уничтожение старообрядческой литературы властями, несколько из таких плачей нам удалось скопировать. Во время первого перемещения Сунгульского скита, когда сначала должны были уехать в тюменские края более молодые пустынноики, «м. Елена пишет к разсеянным посланье» с наставлениями. Оно начинается так: «Мир вам, возлюбленные мои дочери и во Христе духовные сестры, отлученные овчата от своих матерей и разсеянное мое стадо по всем странам Вселенныя! Избранницы Божия и странницы, повсюду залетняя птица, не имеющая своего гнезда, залетевшая за далекие версты на чужие поля. Не видите превысоких Сунгульских гор и Сунгульского моря, оставили вы прекрасную пустыню и премилой Сунгульский край, а он точно как едемский рай».

Ныне близ этих райских мест, близ Кыштыма и Каслей, — иная пустыня, созданная страшной атомной катастрофой 1957 г. До истоков радиоактивной реки Теча рукой подать. Апокалиптика нашего века. Могла ли даже помыслить матушка Елена об этой другой модели отношений человека с природой? «Лицевой» (иллюстрированный) Апокалипсис она не раз держала в руках.

После смерти в 1927 г. м. Елены Сунгульский скит был окончательно ликвидирован властями, но многие его инокини смогли укрыться в других женских скитах в пермских и тюменских пределах. Затем они также перебрались в Колыванскую тайгу, на р. Тавангу и Каргу, под покровительство отцов Саввы, Симеона и Мины.

До нас дошел в главе 14 второго тома Патерика страшный при всей своей бесхитростности рассказ одной из сунгульских пустыннониц м. Анатолии (Меренковой), которая вместе с другой старицей, м. Валентиной, добиралась позднее других, в 1932–1933 г. с Урала на Тавангу. Они передвигались по западносибирским селам, опустошенным искусственно созданным властью голодом. За время пути старицы несколько раз едва не умерли с голоду, иногда получая хоть какую-то помощь от крестьян, местных или же сосланных «кулаков». Приведем без комментария одну, не самую мрачную, выдержку из этого рассказа.

«Хлеба мы купили в Новосибирске печенаго немного, нам сказали: „Дорогой лучше купите хлеба“. А когда мы поехали дальше Пара-

белию, хлеба вовсе не стало, ни фунта не купишь. Тут люди живут выселенцы, они сами полумертвые от голода, и многие умерли с голода. Мы тогда совершенно обезхлебали, изнемогаем от голода. Мать Валентина больна, у ней рука сильно болела — и питаться нечего. Только плачет и плачет, говорит: „Наверно придется умирать на чужей стране, и нет верных людей, никто нас и знать не будет из наших братьев и сестер“. Проехали мы около 100 верст своей силой, больше не можем работать. Где купим кринку молока, где корточек немного, больше нет ничего.

Доехали до какой-то деревушки, вышли на берег и сидим, ждем катера, может нас подвезут. Просидели двое суток, а катера нет, и поесть у нас нечего. И вот вечером сидим и горюем, подходит к нам мужчина и спрашивает: „Вы что здесь сидите долго и куда едите?“ Мы ему объяснили свое горе, едем ко своим, но работать не можем на лодке, обезсилели, и хлеба купить не можем, никто не продает. Он ушел, вечером опять пришел, погоревал с нами и говорит: „Может бы кто продал, да никак нельзя, преследуют“. Мы осмелились его попросить: „Если возможно, сотвори милость, не дайте нам помереть в дороге“. Он говорит: „Вот как потемне[е] будет, люди упокоятся, вы придите ко мне, я живу за деревней в бараке, я вам сколь-нибудь уступлю хлеба“. И когда стало темненько, мы пошли, потти боимся, и нужда заставляет пойти. Нашли его квартиру, и он нам продал большую булку хлеба, кринку молока и два яйца. И вот, слава Богу, пока опять живы.

С этой булкой мы ехали более ста верст до поселка Старицы.

И во время всех тысячеверстных перемещений скитов с их немалым имуществом, и при обустройстве в новых местах в 1892 г. на правобережье, а в 1917 г. на левобережье Оби пустынноикам постоянно оказывали немалую и весьма необходимую помощь крестьяне нескольких семей. Одни из них (например, родственники о. Саввы Мягковы) помогали скитам еще на Урале и передвигались на Обь вместе с монахами. Другие познакомились со скитниками уже в Сибири. Среди последних, кроме упомянутого уже А. Г. Мурачева, назовем алтайского крестьянина Иерона Алексеевича Потанина, семья которого скрывалась от властей в Колыванской тайге, на Парбиге, а затем ушла от колхозов на восток, к Енисею. Иерон приносил в женские монастыри продукты, подарил монахиням лошадь, помогал о. Симеону разведывать тайные дороги при переселении, возрождать скиты на новых местах. Позднее он станет одним из самых интересных авторов Урало-Сибирского патерика.

В Колыванской тайге расселились в конце концов в глухих болотистых местах на реках Парбиг, Корга, Таванга и главный мужской скит ученика Нифонта о. Саввы, и уральские женские скиты. В скит

о. Саввы в 1919 г. придет его будущий преемник ишимский крестьянин Сафон Яковлевич Лаптев, который будет пострижен под именем о. Симеона. Но эти же суровые края облюбует и чекистское руководство для масштабной всесоюзной операции по ликвидации более зажиточной части крестьянства — «мужичьей чумы», по четкому определению А. И. Солженицына.

Одно время скитские старцы и старицы в Колыванской тайге на левобережье Оби как-то непостижимо уживались с антихристовым миром ГУЛАГА, но неизбежность очередного перемещения подальше от властей стала вскоре очевидной. В 1933 г. ряд крестьян, поддерживающих тесные связи со скитами, а также несколько наставников, были арестованы.

Ученик и преемник умершего в 1928 г. о. Саввы о. Симеон зимой 1935–1936 гг. и затем еще раз (21 мая 1936 г.) отправил на разведку тайных путей на восток мужественного и опытного землепроходца о. Антония (в миру Афанасий Михайлович Людиновский, 1895–1977). Он выведал и дальние укромные места в бассейне Енисея, и тайные пути к ним в обход опасных населенных пунктов. Десятки пустынноиков, отцов и матушек, вместе с их верными крестьянскими почитателями из мирян переселились несколькими группами, разбив весь путь на три-четыре отрезка. Забирали все «божество» (иконы, книги, лестовки, поручи, ризы), минимум продовольствия и семян, рыболовную снасть, гнали через тайгу скот. Строили в промежуточных пунктах тайные укрытия в лесу, в одном таком укрытии у д. Безымянка (у р. Малый Кас, близ запущенного Обь-Енисейского канала, сразу же за водоразделом этих двух великих рек) задержались надолго, там похоронили одну из основательниц Сунгульского скита м. Феклу и ее верную помощницу м. Мелетину. Великий переход этот в пару с лишним тысяч верст начался в 1937 г. и в основном завершился весной 1940 г.

О. Антоний позднее записал для потомков свои воспоминания об этой труднейшей миграции. Он подробно повествует о своих путешествиях 1936–1940 гг.: о скрытном передвижении за тысячи верст небольшого разведывательного отряда землепроходцев, о выборе места для поселения и о поэтапном перемещении туда нескольких десятков пустынноиков, а также связанных с ними общей целью крестьянских семей. По разведанному пути с о. Антонием отправились Кирилл Яковлевич Лаптев и шестеро старцев и стариц. «Повезли книги, иконы и прочий багаж. Дорога была опасная, много было страха у путешествующих, но десница Божия покрывала их. Опасные места ехали по ночам». Власть что-то узнали о них, их разыскивал некий «председатель». Близ заимки Козловой, где еще жили единоличники,

дорога раздваивалась. Старцы знали, что «председатель» поехал по какому-то из двух путей, но не знали по какому. «Отец Антоний ехал впереди и, не доезжая до своротка, он заповедает коню: если нет на Козловском председателя, дабы своротил на Козловскую, а если он там, то прямо иди на Вьюркову». Конь свернул на Козловскую, а «председатель» в тот день оказался на Вьюрковой. Переночевали спокойно, за следующий день ушли далеко от опасных мест, крадучись пересекли проезжую дорогу. На следующей ночевке их настигли.

Но даже в те страшные времена бюрократическая разобщенность разных частей механизма подавления давала иногда надежду на спасение. Пустынников догнал вооруженный отряд, имевший свою четкую задачу: изловить хозяина приютившей их избышки, некоего Нестора. «Сей Нестор сбежал из тюрьмы, скрывался. При путешественниках пришел, поужинал и скрылся. Ночью приехал начальник Анковады (! — Н.П.) и с ним еще двое искать Нестора. О. Антоний еще не спал, пошел наружу и точно спустился с крыльца, подскочил к нему начальник, ударяет пальцем в грудь и вопрошает его: Слушай, хозяин, а хозяин где? О. Антоний думает: если скажу, что был хозяин дома, то буду Иудой предателем. А если скажу — не был, то ведь нас 8 человек и могут иные сказать, что был дома, и тогда начальник может даже меня забрать. И, наконец, заключил в уме не быть предателем, ответил ему резко: Не видал никакого хозяина». Остальные, не сговариваясь показали то же. Отряд НКВД тут же уехал.

Скиты постепенно один за одним передвигались к разведанным местам близ Безымянки, там одно время собрались пустынножители из разных частей Пермского и Сунгульского женских скитов, уральского скита Максима — Нифонта — Симеона с черноризцами и крестьянами, примкнувшими к ним в Колыванской тайге. А разведчики во главе с о. Антонием тем временем искали пути во все более глухие, все менее пригодные для жилья болотистые места севернее Каса, по р. Кольчум — южному притоку р. Сым, и по самой р. Сым, впадающей слева в Енисей близ с. Ярцево:

«С 10 сентября 1937 г. (1937 г. — Н.П.) братия отправились на большой лодке на Сым. О. Антоний с тремя старушками, м. Павлиной, м. Акиной и м. Евгенией пошли пешком на р. Колчим, там была у него оставлена лодка и сети. Продуктов взяли на 10 дней. Спустились в Сым, у Долгого Яра дождали лодку, лодка пришла чрез 18 дней, недостаток хлеба рыбой заполняли. На лодке плыли до 12 октября, дорогу лед закрыл, 25 верст до Бурсова на нартах возили. Тут поставили одну келию, а другую для стариц не стали делать, потому что начальство стало припрятывать, начальник хотел к ним ехать, выпросил из сельсовета пару оленей и враз раздумал, стало быть ему Господь не попустил». Но ле-

том о. Антоний узнал, что его собираются вот-вот арестовать, и путешественникам пришлось срочно «бегством спасаться» — «на Сыму жизнь не состоялась».

Дальнейшее изложение изобилует описаниями труднейших переходов. «Обратно пошли с Михайлова дня двое, о. Антоний и о. Виталий, на лыжах, у них не хватило хлеба на 4 дня, шли голодом, да еще был тогда мороз»; с трудом дошли до деревеньки, «жители дали им ведро муки и с ним дошли до места». «А с 6 декабря, с Николы... братия все пошли на лыжах с нартами на Безымянку напрямки, оставили одного о. Максима. Подъему не было, дни коротки, ночи морозны и без хлеба, точно на одной заварушке жиденькой, одну кружку на человека, а когда и на пятерых 4. Дошли с Божией помощью благополучно до о. Симеона и пояснили о местах все». «А весной паки пешком отправились» дальше, «да еще со скотом. И помыслили, за толико дальнее расстояние, около 200 верст, сколько было трудностей и опасностей: реки, рема, непроходимые галеи и ломашники¹, и с котомками, да и на коровах тоже котомки. И вся сия минули за отеческия молитвы с Божиею помощью благополучно, а попечение все и руководство опять же на о. Антоний» — прибавляют к рассказу о. Антония другие участники этого перехода.

После возвращения о. Антония на Безымянку по общему совету с о. Симеоном было решено всем перебираться в еще более северные по сравнению с Сымом места — на левый приток Енисея р. Дубчес. Весной 1939 г. в новую разведку ушли отцы Антоний, Иосиф и Виталий, и пока некие «сыщики» разыскивали их, они, прячась в тайге, разведывали тайные тропы на Дубчес и сообщили о них о. Симеону.

В созданном в скиту о. Симеона и его преемника о. Антония Уралосибирском патерике есть и другие рассказы об этом переселении.

Трагическое завершение при почти идиллическом скитском начале имеет одна из глав патерика: «О отце Георгии и матушке Павлине, с рукописи и от сказания о. Антония». В Колыванской тайге о. Георгий был келарем (экономом) обители и отличался исключительным трудолюбием. Автор его жития вспоминает о тех недолгих временах сытости с некоторой ностальгией по хорошо освоенному поселению на плодородной земле, которое пришлось покинуть, снова оставив зарастать лесом участки тайги, раскорчеванной за годы изнурительной работы, переселяясь в суровые, бесплодные края. Для всего образа мыслей крестьян-пустынножителей очень характерно, что весь рассказ пронизан и народной трудовой этикой, и христианскими

¹ Рема — пойменные кустарники; галей — открытое болото; ломашник — хворост.

идеями смиренного, но непреклонного непринятия мира зла. Соединение того и другого — в популярнейших у старообрядцев заветах раннехристианского социализма, от афористичной формулы апостола Павла «кто не работает — тот не ест» до нравоучительных напоминаний инокам аввы Дорофея и Ефрема Сирина о том, что монашеские общины обязаны кормиться плодами рук своих.

О. Георгий показан в патерике как образец смирения (он говорил даже, что недостойн христианского погребения) и как неутомимый работник, добровольно выполнявший работу за двоих. Именно потому Святой Дух благословил его труды и им сопутствовал успех: «А хлеб пек зело хороший, корки никогда толстой не было, и сырого тоже не было. И всю пищу приготавливал вкусно для питания братии. И был добр огородник, вся овощь у него росла хорошо, ботун во все лето не приедали, даже и ко старицам носили и на зиму насаливали. Лук у него рос крупный и капуста тоже росла, хороши вилки и крупны, словом что умел ходить за огородом».

Но эта радостная для рачительного крестьянина картина вскоре сменяется страшными описаниями голода. Во время переселения из Колыванской тайги маленькая группа старцев, стариц и мирян вынуждена была после труднейшего зимнего пути почти в тысячу верст укрыться в тайном убежище вдали от жилья. Продовольствия у них было мало, но уговорились, что вскоре за ними заедет о. Антоний и направит их в другую промежуточную базу. Однако случилось так, что о. Антонию самому пришлось с трудом уходить от выслеживавших его властей, осторожности ради скрываться и от некоего «охотоведа, сажившего ондатров и соболей». Тем временем продукты в землянке о. Георгия кончались. Еще перед тем «6 месяцев ели мало хлеба с торфом». Теперь «60 дней жили без хлеба, из торфа с ягодами пекли лепешки и солену горячую воду пили». Была, правда, очень рискованная возможность: выйти за хлебом «в мир», где их, как оказалось, уже разыскивали. Но и не зная об этом, «о. Георгий говорил, что я хлеба ради не поеду в мир, лучше с голоду умереть, как пишет священноинок Дорофей в 10-м слове. Часто просил он нас прочесть это слово (писала позднее об этих страшных днях матушка Акинфа. — Н. П.), сам не умел, был неграмотен».

Вот уже три столетия в национальной нашей культуре чтится подвиг высокообразованной аристократки Феодосьи Прокофьевны Морозовой, принявшей голодную смерть, но не изменившей своим убеждениям. Подвиг о. Георгия затерялся в кровавом месиве наших десятилетий. Мы сумели сегодня прочесть лишь первые листы огромного фолианта — мартиролога XX столетия.

Умерший 30 марта 1939 г. о. Георгий был отпет остальными обитателями землянки, но похоронить его у них уже не хватило сил. Долгое время в соответствии с собственным предсказанием он был просто «загребен снегом», пока во время одной из последующих рискованных экспедиций о. Антония тот, сделав изрядный крюк, не похоронил о. Георгия по полному иноческому чину...

Второй умерла матушка Павлина. Удивительно ее предсмертное предсказание. Она пообещала оставшимся, что они еще «хлеба белого поедят», но потом настанет, к несчастью, «перелом в жизни». Патерик поведает, как на новом месте, освоенном изнурительным трудом, сбудутся эти слова.

Пустынники еще поедят белого хлеба, но далеко не сразу. На новом месте тоже сначала голод и тяжелый труд. «Тут хлеб стряпали на пополам с гнилушкой, даже так случалось, что на один ковш муки гнилушки клали от трех ковшей и до пяти и квашню никогда не солили. И о вариве тоже скудно было, также и о одежде и обуви. А работа была тяжелая: раскарчевка пашен и постройка келий». Автор нашего столетия рисует традиционные картины русской земледельческой колонизации от Белого моря до Тихого океана, от Киевской Руси до наших дней.

При поддержке все тех же верных крестьянских семей в 1939–1940 гг. одолели и последний отрезок пути в три сотни верст.

Наконец, вдали от колхозов, не тревожимые властями, пустынники и миряне в суровом северном крае наладили новое хозяйство. О. Симеон сумел даже привезти сюда богатую скитскую библиотеку древних рукописей и старопечатных книг — около 500 томов и смог на новом месте продолжить двухвековую литературную традицию скита. Расселились просторно, мужские скиты построили по р. Дубчес, а женские — по притоку Дубчеса р. Теульчес. Ближе к «миру» — крестьянские заимки. И те и другие скиты постепенно делились на несколько частей; это делалось как из соображений безопасности², так и потому, что на Дубчесе продолжился процесс, отмечавшийся нами выше в Колыванской тайге, — по мере распространения насильственной коллективизации в скиты приходили новые крестьяне и крестьянки.

Таким образом, и на Дубчесе начала возрождаться система симбиоза, взаимопомощи и даже подчас взаимопроникновения скитов и мирских крестьянских поселений, о которой мы уже писали выше по судебным-следственным документам XVIII–XIX вв.

² Предосторожность оказалась нелишней — одному из маленьких скитов (м. Анатолии) удалось-таки уцелеть во время всех сталинских разгромов.

Но долго так продолжаться уже не могло. И то удивительно, что удалось выгнать более десяти лет вольной жизни на новом месте, когда дубчесские пустынники и крестьяне «пожили в тишине и безмолвии». В начале 1951 г. скитские убежища были обнаружены властями как с самолета, так и благодаря усилиям местных чекистов. Сохранилось два ярких рассказа о последовавшем разгроме. Один из них принадлежит упоминавшемуся выше начитанному алтайскому крестьянину-староверу Иерону Алексеевичу Потанину (1914–1979), сопровождавшему пустынников с Парбига и активно помогавшему трудом всей своей семьи обустройству на новом месте; в своем литературном творчестве он старался копировать древнерусские образцы. О событиях 1951 г. он вспоминал в 1958 г. Второй рассказ принадлежит Афанасию Герасимовичу Мурачеву. Он записал его по нашей просьбе в 1991 г. Оба были арестованы карателями в 1951 г., но обоим удалось дерзкие побег с дороги. Впрочем, Иерон был захвачен снова. Дадим ему слово.

«В ночь на 23 марта 7459 года, в среду 4-я недели святого и великого поста, неожиданно явился христианоненавистный полк безбожных варвар к жившим на Тогульчесе смиренным старицам, мно-

Слева направо: игуменьи Валентина (Вера Григорьевна Тюрина), Тавифа (Татьяна Михайловна Людиновская), Флена (Татьяна Кондратьевна Шибаршина). Тюремное фото 1951 г.

гим уже почивающим, яко ночь бе. Сии варвары по указанию своего предводителя во вся проходы раступишася и окружиша, но никто же бе сопротивлялся или бежа куда, но вси смиренно пребываху во ужасе от незапного нашествия дикообразных во множестве варвар, не смеюще рещи какова-либо слова; мало последи несколько приидоша в чувство, начаша глаголати».

Вокруг захваченных избышек поставили круглосуточную стражу и поместили здесь главный штаб отряда. Уже на следующий день туда насильно доставили стариц соседнего скита матушки Флены, а скит со всеми книгами и иконами сожгли.

Карателям трудно было с проводниками. Иерон Алексеевич, несколько раз возвращаясь к этой теме, рассказывает, какими побоями и пытками заставляли пленных показывать путь. Многие захваченные крестьяне и не знали тайных дорожек к скитам, но «обретется таковой человек, глагола им: „Аще и вем ко старцем путь, но не поведу вас, да не буду предателем Церкви Христове“. В таковом исповедании гнаху его пред собою, биюще без милости палицами, пременяющесе».

О весьма гнусных пытках и издевательствах, коим каратели подвергали захваченных в первых скитах, требуя показать путь к остальным, повествует и А. Г. Мурачев: раздетых старцев и крестьян впрягали в нарты, напоив крепчайшим раствором соли, привязывали к нартам за тайные уды и погоняли батогами и т. д. Не избежал пыток и сам Афанасий. Начальник отряда К. Сафронов, допрашивая его о местонахождении отцов Симеона и Антония, сначала избивал его «метровым бадогом», а потом придумал иное: «Он увидел — ремень висит на стене, и говорит: „Возми в руки ремень, продень конец в пряжку“. Я продел, и получилась петля. Он говорит: „Одень петлю на шею!“ Я тут сглуповал, взял, сам одел. Он взял за конец, подвел меня к стене, а вверху была толстая деревянная спица. Он перекинул конец и стал меня подвешивать, дыхание стало спирать. Я вздымаюсь на дыбы, и он тоже подтегает покрепче. Когда дыхание стало останавливаться, тогда он ослабил и говорит: „А что же ты давишься?“ Я ответил: „Я ведь не сам давиюсь; сколько раньше римские мучители наших хрисятян перевешали и перерубили!“ Он снял петлю с шеи и хлестанул меня ремнем, и гворит: „Ищо что знаешь!“ И сказал: „Одевайсь!“ Я оделся, и он проводил меня глазами до места».

Невольные проводники пытались увести отряд карателей подальше от главного скита о. Симеона. Плененный и шедший вместе с этим отрядом Иерон рассказывает, что, к великому озлоблению начальников отряда, скит Симеона в тот день так и не нашли. Так прошел день пути, ночевали все прямо в тайге, на снегу. Но «во утрии 27 марта в понедельник 5 неделю поста, аще и не хотяще, обретшесе близ ста-

риц Валентины, направления пути ко старцем изменьше, сих миновахом, а ко старицам Валентине внезапно заидохом. Зде зверонравный отряд безбожных варвар много лютости показа, озлоблении неудачным походом к старцем, многих стариц напугаша, порядки свои поставиша, много нарутавшися над святынею, красоту церковную обнажиша».

Поставив стражу в ските для охраны захваченных стариц, отряд наутро отправился на дальнейшие поиски скита о. Симеона. Иерон рассказывает, как всех их нещадно избивали, требуя показать дорогу, как «вышепомянутый исповедник, пребывая непоколебим во своем исповедании, глаголаше: „Не иду предавать Церковь Христову с вами“, они ж бияху его палицами без милости, яро взирающе и кричаще убить глаголюще и всех нас, яко не ведем их». Кстати говоря, этим «неведомым исповедником» мог быть и сам автор рассказа, повествовавший о себе в третьем лице; законами древнерусской литературы такое вполне допускалось.

Иерон сообщает далее, что захваченные крестьяне снова и снова пытались увести отряд в ложном направлении, что между ними и конвоем, постоянно избивавшим проводников, все время разгорались споры, идти на юг или на север. Но в конце концов «Богу попустившу», и каратели увидели постройки скита. (Вспоминаются удивительно близкие рассказы о захвате старообрядческих скитов в первой половине XVIII в.)

Иерон продолжает: «Егда ж видеша обитания старцев безбожнии, тогда аки зверие дивии устремишася на них, един другаго погоняюще, со оружием на безоружных смиренных старцев наскочиша, ничто же таково чающих».

Карателям были известны имена руководителей общины, в том числе отцов Симеона и Антония. Но в лицо они никого не знали. Они стали требовать, чтобы пленные старцы назвали свои имена, но те по многовековой традиции отказывались это сделать. В конце концов, чтобы прекратить истязания всех захваченных, о. Антоний назвал сам. Симеон же находился тогда в ином месте — в отдельном тайнике, вырытом в земле и замаскированном так, что его невозможно было обнаружить даже вблизи. Но «обретется таков человек, страха ради приводе их к дверем келий». Симеон тоже был захвачен и «1-го апреля в субботу акафистову в вечернее время» был под конвоем доставлен в основную обитель. Затем всех захваченных отправили в главную резиденцию отряда. Все постройки скита Симеона, где было «древних святых книг и икон великое множество», сожгли, как и другие скиты. Лишь «напрестольное Евангелие древней крупной печати и бисерная ризы со святых икон содраша, с собою взяша». Было захвачено большое количество хлеба и другого продовольствия. Рань-

ше оно находилось во многих небольших тайниках. Но как раз накануне, прослышав о военной экспедиции, старцы и миряне свезли все продукты в одно место, чтобы разделить их между собой и бежать в разные стороны. Опоздали с этим побегом буквально на несколько часов, ведь нельзя было просто бросить книги и иконы. Да и хотели последний раз отслужить по этим книгам воскресную службу.

Подследственные изумен о. Симеон (Сафон Яковлевич Лаптев — справа) и о. Антоний (Афанасий Михайлович Людиновсков). Тюремное фото 1951 г.

Так продолжали захватывать один скит за другим, каждый раз предавая огню «келии и всю святыню, книги, иконы». Подчас сжигали даже продукты. Не обошлось и без мародерства в скитах и крестьянских избах. Иерон вспоминает, что «многое безчинные воины женское празничное одеяние емяху». Весь скот был пригнан вместе с монахами в главную квартиру отряда. С таким трудом возникшее в суровых, безлюдных местах земледельческое поселение на глазах навсегда исчезало с лица нашей земли.

5 мая 19 мужчин и 41 женщина под конвоем были отправлены на плотях и вскоре попали во внутреннюю режимную тюрьму Красноярска. По суду прошло 33 человека, осужденных на разные сроки от 25 до 10 лет. О событиях этих по лагерным преданиям А. И. Солженицын рассказал в «Архипелаге ГУЛАГ»³. После смерти Сталина староверы были амнистированы, но двое уже скончались в советских концлагерях.

³ Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ // Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. М., 1991. Т. 7. С. 248.

Это были о. Симеон и м. Маргарита. Дубчесского игумена приговорили по знаменитым статьям 58–10 и 58–11 к 25 годам советского концлагеря и 5 годам поражения в правах. Его увезли на Тайшетскую пересылку, затем в злобный Озерлаг. Здесь он перестал принимать казенную антихристову пищу, лишь изредка сам себе варил кашу, когда удавалось достать крупу. Затем он вообще перестал принимать «варево» и вскоре, как сообщает Патерик, «изнеможе телом и впаде в недуг, объят его опухоль, и помалу предаде дух свой Господеви». Дата его кончины точно неизвестна: Урало-Сибирский патерик называет 5 августа 1953 г., а официальная справка Озерлага — 20 августа 1954 г. В том же 1954 г. в лагере в Коми АССР скончалась м. Маргарита (пермская крестьянка Макрина Наумовна Коровина), приговоренная к 10 годам лагерей. Во втором томе патерика со слов ее подельниц м. Акинфы и м. Тарсилы так описывается ее лагерная жизнь и кончина:

«Там, в женском лагере, в четвертом отделении, где мы находились, было около 3 000 человек, люди были разных вер. Тут мать Маргарита трудилась на обчих работах. В праздники не работала, еще и принуждаема бе, и наказуема тюремным заключением. Воздержавшись от всяких плотских удовольствий, в баню мыться не ходила. Вариво суп не вкушала, зане с мясом бе, а принимала хлеб тобою, да кашу и малую часть рыбы, иноческий чин всегда имущи на себе.

И по некоем времени впаде в болезнь, боляше 12 дней, воспаление легких. Великое старание имяху врачи о ее исцелении, но ничто же успеха.

Она всегда собиралась домой и говорила определенно, что мы скоро все домой поедим, нас всех отпустят. Во время болезни все слышалось ей пение отцов и матерей.

Преставилась в вечную жизнь месяца марта 21, в лето 7462 (1954), на субботу ночною. Память ей 19 июля. Лице ее было светлое, и когда средили ее в чин (одежи в монашеское одеяние. — Н. П.), тогда весело осклабился, и тако лежала в веселом виде. Даже сама начальница лагеря сказала: „Весело пошла, видно, заработала“. Подобно сему и старейшая врачей докторица рекла: „я еще не видала таких покойников“. Когда она была вынесена в больничной коридор, где лежала полторы сутки, тогда тут множество людей к ней ходили и молились всяк по своему, кто как мог, и целовали ее. Я им возбраняла это делать, потому что они с нами веры не одной, а они отвечали, что она ведь от сего не погрешит.

Зделали ей крест по прошению нашему, но неправильно, и мы попросили их поправить его по-христиански, и они поправили, и покрасили его, также и гроб красили желтой краской. А потом в вос-

кресение утром, когда повезли ее из больницы в сани, тогда многочисленный народ за ней пошел толпой до вахты, и тут так же люди у нее толпились, как и в больнице. И потом уже под вечер положили ее на машину, и народу столько сядо провожать ее, сколько могло вместиться. И тако увезоша ю на кладбище и погребоша и поставиша на могиле ее крест.

Воистину достойно удивления! Как прославляет Бог прославляющих Его, яко прослави рабу Свою, вдохнув такое благорасположенное чувство народу, еже почитать кончину ее. Сколько было тут умерших, и люди никого так не провожали, ни к кому не собирались и такой почести не приносили, но смотрели на них с отвращением, как на чужих, странных и иноверных. Также и власти никого из них не почитали, кресты им делать не разрешали, но презирали их как осужденных. А здесь было наоборот, сердечною любовью как магнитом всех привлекало к ней. Также и власти почтили ее, разрешили сделать крест и окрасить, и говорили о ней достойные памяти слова, и позволили народу проводить ее на машине вопреки лагерному закону, по которому заключенные не имеют право выходить за вахту, только лишь на работу под стражей по назначению начальства.

В подтверждение сказанного приведем преподобного Феодора Студита, том 2, стран. 463, письмо 20, писано в 818 году к Ипатию о преподобном Иякове исповеднике: „Если, как ты прибавил, было многочисленно собрание при его погребении, и притом людей знатных обою пола, то и это служит подтверждением сказания, ибо не было бы такого собрания к человеку незнатному по плоти, если бы не было указания Божияго“.

После смерти вождя всех народов уцелевших дубчесских пустыльников и крестьян отпустили. Многие из них вскоре восстановили скиты в разных местах Восточной Сибири, в том числе и на Дубчесе вдали от пепелища 1951 г. Старейшинство воспринял о. Антоний, согласно легенде успевший получить на это благословение уже арестованного о. Симеона.

Когда каратели в 1951 г. сжигали богатейшую библиотеку скита (там точно были книги XVI в. печати Ивана Федорова и мы никогда не узнаем — какие еще шедевры русской национальной культуры!), арестованным, запертым в одном из сараев скита, удалось закопать там в землю первый том Патерика. Они не могли спасти огромный том Священного писания и предания, но они спасли свою историю. Секрета этого и под пытками никто не выдал. Освобожденные пустытники откопали рукопись; когда горели постройки скита, огонь и под землей опалил несколько ее листов. Утраченные места восстановили, а затем дополнили первоначальный текст еще двумя томами.

Теперь работу эту возглавил о. Антоний, в ней активно участвовал один из самых грамотных старцев о. Ефрем (вятский крестьянин Ефим Григорьевич Котегов), Иерон Потанин, Афанасий Мурачев, сунгульские матушки и десятки других авторов.

История урало-енисейских скитов подтверждает удивительную живучесть в крестьянской среде важнейших традиций, входивших в базовые представления и ценности российского народа. Это традиции вольной колонизации обширнейших просторов родной страны, поддерживаемые скитской практикой пустынножительства, странноприимства, хозяйственного взаимодействия и взаимопомощи тайных лесных поселений — заимок и скитов — с соседними деревнями и селами. Это и народные традиции толкования текстов Священного писания и предания, объяснения с их помощью непростых, подчас бурных реалий своего времени.

* * *

Когда Афанасий Герасимович рассказал нам, что собирается писать в дополнение к первому тому Патерика главу, посвященную его другу Иерону Алексеевичу, скончавшемуся в 1979 г., я упросил его написать еще одну — об о. Палладии: он знал о нем, его жизни от нескольких общих знакомых — иноков и крестьян. Афанасий Герасимович исполнил в 1991 г. нашу просьбу, и его рукопись этой части Патерика легла на железные полки хранилища древних книг Института истории Сибирского отделения Академии наук. Так для меня замкнулся круг, начатый в далеком 1966 г. на красивой поляне близ скриптория, где я впервые увидел его хозяина в черном монашеском одеянии с красным кантом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Судьбы книг и людские судьбы тесно переплелись в непридуманных историях, изложенных выше. Рассказы о древних книгах — это неизбежно рассказы о людях, тех, кто их создавал, переписывал, или тех, о жизни которых повествуется на книжных страницах. Тех, кто бережно хранил громоздкие тяжелые фолианты или кто их активно выискивал, чтобы приобщить новое вещественное доказательство к делу о «злонамеренном направлении мыслей», одному из многих дел, создававшихся когда-то из переплетения доносов, следственных протоколов, экспертизы инквизиторов, рапортов экзекуторов, а ныне лежащих на архивных полках фондов Сената и Синода, Аудиториата и Тайной канцелярии, Политбюро и ВЧК. Конечно, жизнь пошла в конце концов не путями Ефрема Сибиряка и Владимира Трегубова, оставив в стороне рецепты борьбы с социальным злом, проповедававшиеся в их бичующих сочинениях. Но карательные столпы абсолютизма и большевизма не даром выискивали и искореняли с таким усердием эти тома.

Книга — памятник борьбы идей. Не только того времени, когда она создавалась, но и последующих столетий, когда ее хранили, читали, переписывали. Сочинения Максима Грека, как и рассказ о суде над ним, станут крайне актуальными в конце XVI в., когда составлялся Сибирский сборник, затем опять в конце XVII в., когда найдутся люди, фальсифицирующие тексты Афонца и другие, разоблачающие подлог. А на исходе петровского времени втайне от Синода на севере будет создано новое собрание сочинений ученика Савонаролы, и списки его дорогами крестьянской миграции и скрытыми тропами побега широко разойдутся по всей стране. И там, где на первый невнимательный взгляд многим видится лишь слепой традиционализм, отрицающий любую иную культуру, неоспоримые книжные свидетельства продемонстрируют широко раскинувшиеся в пространстве и времени культурные связи. Уход в демократическую среду со второй половины XVII в. большого массива древних книг приобщает эту среду к классическому наследию древнерусской литературы с ее переплетением межнациональных связей. Учительный, нравоучительный характер этой литературы великих проблем был близок книжникам из народа; в то же время он был воспринят и развит классической русской литературой XIX столетия, что созда-

вало одну из тенденций к общенациональному культурному единству вопреки тому разрыву между культурой верхов и низов, о котором был наш рассказ про Владимира Трегубова.

Широкое бытование древнерусской книги в народной среде — осязаемое, весомое свидетельство (отягченные рюкзаками плечи удачливых археографов не раз ощущали эту весомость) непрерывности историко-культурного процесса. Этот вещественный аргумент, эта овеянная духовностью столетий — живой укор всем тем, кто сегодня повторяет нелепые, но не безвредные рассказы об «интеллектуальном молчании» Руси допетровской, о темной восточной массе, противостоящей западной цивилизации. Книги прошлых веков говорят нам не о темноте и не о противостоянии (см. рис. 35 на цв. вклейке).

Из маленького охотничьего поселка близ Полярного круга, основанного когда-то единомышленниками Владимира Трегубова, бежавшими из мира антихриста, был привезен древний фолиант с рассказами о Демосфене и Аристофане, о Ромуле и Александре Македонском, об открытии Колумбом Нового света (см. рис. 36 на цв. вклейке).

На одной из приобретенных сибирскими археографами русских нотных рукописей XVI в. (система нотации этой книги еще не поддается расшифровке) — едва различимая запись о том, что книга была куплена «в Якуцком остроге на великой реке Лене в лето 7156» (1647–1648 гг.), уже через несколько лет после основания Якутска. Книги проникали в Сибирь с первой же волной землепроходцев. Мне приходилось, например, видеть владельческую запись одного из сподвижников Ерофея Хабарова — Василия Паламошного. Он сделал ее характерным крупным полууставом на листах книги, незадолго до того изданной в Москве.

Тысячи и тысячи древних книг, найденных в русских деревнях не только коллегами Андрея Ивановича Ушакова и митрополита Сильвестра, но и учеными коллекционерами разных столетий от предшественников Василия Никитича Татищева до последователей Владимира Ивановича Малышева, свидетельствуют, что деревня эта была куда более «книжной», чем подчас думают. И в первую очередь — деревня севера и востока страны, где не было крепостного права. Хранение книг в этой среде — отнюдь не признак неподвижности и застоя, преданности неизменному идеалу: мы видели, как к старым авторитетным текстам прибегали в самых разных жизненных ситуациях, осмысливая их каждый раз по-новому; приписываемые Кириллу Иерусалимскому слова по-разному звучали на шумном сборище руководителей Тарского бунта 1722 г. и в тиши алтайского тайника Владимира Трегубова. Да и сам термин «хранение» предполагал здесь

отнюдь не пассивность, а предельно активную каждодневную изобретательность, крестьянскую практическую сметку, чуть прикрытую для постороннего глаза простоватой внешностью «невежественных пейзажей», которым в конце концов удалось спасти бесценные сокровища древней письменности от экзекуционных команд «просвещенного абсолютизма» и синодальных экспертов, приказавших, например, сжечь богатые тарские собрания книг.

Но в нашем столетии есть сила, действующая опустошительнее всех пожаров и методичнее всех экзекуторов былых веков, — это стихия наживы, частный спекулянт-перекупщик старины. Поэтому сохранение книг в той среде, где их так долго успешно берегли, зачастую равнозначно неминуемой гибели их для общества. И наиболее надежное место для всех древних фолиантов — полки государственных хранилищ, где их листов будут касаться руки тех, кто знает и ценит их, кто сумеет заставить звучать сегодня строки, столетия назад доверенные пергаменту и бумаге. Не всегда просто объяснить эту истину в семьях, где из поколения в поколение передавался наказ беречь и хранить древние фолианты пуще собственной жизни. Но тысячи древних томов, ставших за последние годы на библиотечные полки в археографических центрах страны, показывают, что во многих таких семьях эту истину понимают, видят общенародное значение сохранившихся у них культурных богатств.

И поэтому самым логичным завершением этой книги рассказов о древних рукописях будет слово теплой признательности тем хранителям старых фолиантов, с которыми свели нас дороги археографического поиска и у которых хватило великодушия понять, что в наш век место их сокровищам не в крестьянских избах и таежных заимках, а в общественных хранилищах. Это и благодарность поколениям их потомков — очень часто безвестных, несмотря на усилия историков, но ушедших из жизни с сознанием причастности к сбережению истоков национальной культуры.

С. 15. *...представители старинных кержацких...* — общеизвестное наименование сибирских старожилов кержаками происходит от названия р. Керженец (сами кержаки называют ее Кержь), впадающей слева в Волгу ниже г. Нижний Новгород. В петровское время в керженских лесах скрывалось от церковных и правительственных преследований около 150 тысяч старообрядцев. После разгрома этого центра толпы беглецов устремились в начале 1720-х гг. на восток.

С. 16. *...о сравнительных достоинствах теорий чувственного и духовного прихода антихриста на землю...* — согласно первой из них, антихрист, как и учит Церковь, воплотится на земле, приняв человеческий облик. Но в отличие от официальной церковной теории многие старообрядцы считали, что это воплощение уже произошло и антихрист принял облик кого-то из русских царей. По второй теории, «воцарение антихриста» — это победа на земле сил зла, происшедшая в России в 1666 г. В рамках обеих теорий были как весьма радикальные антимонархические концепции, так и крайне умеренные.

С. 16. *...других согласий.* — Старообрядческие согласия: пестрый мир староверия делится на два основных направления — поповщина и беспоповщина. Если беспоповцы считали, что после никоновских реформ и победы в России духа зла, антихриста, «священство улетело на небо», то в поповщине были попы, перебежавшие к старообрядцам из официальной церкви («беглопоповщина»). В 1846–1847 гг. в Белой Кринице, бывшей тогда на территории Австро-Венгрии, возник старообрядческий епископат и в изобилии стали появляться собственные священники, поставленные старообрядческими епископами («белокриницкая иерархия», «австрийское согласие»).

На востоке страны главным согласием поповщины было «часовенное», названное так потому, что основными культовыми зданиями в нем были часовни. Согласие это называлось также «софонтиевским», по имени керженского деятеля, основавшего его. В XVIII в. отношение софонтиевцев к Церкви и монархии постепенно радикализуется, прием беглых попов официальной церкви сокращается, а в 1840 г. прекращается совсем, согласие на практике становится беспоповским. Софонтиевцы в XVIII в. организовали ряд крупных выступлений за свободу своей веры, и их преследовали особенно жестоко.

Из беспоповских согласий наиболее значительным на востоке страны было «поморское», центр которого находился на р. Выг в Поморье. Начав с категорического непризнания не только Церкви, но и императорской власти, выговские идеологи постепенно перешли в XVIII в. на более умеренные позиции, что явилось одной из причин выделения из поморского согласия

более радикальных крестьянских деятелей, создававших свои организации. Подобным образом в конце XVIII в. в недрах радикальной беспоповщины возникло бегунское согласие (основатель — беглый солдат Евфимий), предельно враждебное самодержавному государству и официальной Церкви, провозгласившее бегство из царства зла, бегство от подушной подати, рекрутчины и крепостничества главным догматом веры.

С. 115. *Но он не решается открыто сказать на суде об ошибке в русском тексте главного догматического документа православия...* — принятый в IV в. на никейском и константинопольском соборах Символ веры сохранил краткую формулировку основных догм христианства. Сделанная Максимом Греком правка канонического в русской Церкви текста Символа веры, осужденная в 1531 г. как еретическая, была в ходе церковной реформы 1652–1667 гг. признана справедливой и внесена в текст. Отвергнувшие реформу старообрядцы категорически не хотят верить, что почитаемый ими Максим Грек был инициатором этого исправления.

Д. С. Лихачев. АРХЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОТКРЫТИЕ СИБИРИ	3
Глава 1. СКРИПТОРИЙ	10
Глава 2. КРЕСТЬЯНСКИЕ ПИСАТЕЛИ МИРОН ГАЛАНИН И ХОЛОП МАКСИМ	40
Глава 3. ИСТОРИОГРАФ ТАТИЩЕВ И УРАЛЬСКИЕ КЕРЖАКИ	62
Глава 4. МАКСИМ ГРЕК	78
Глава 5. КНИЖНЫЕ РЕЕСТРЫ ТАРСКОГО БУНТА 1722 г.	122
Глава 6. «ВОЛХИТНЫЕ КНИЖКИ»	156
Глава 7. КРЕСТЬЯНСКАЯ БИОГРАФИЯ	188
Глава 8. СКВОЗЬ СТРОЙ	206
Глава 9. ИНДИКОПЛОВ НА АЛТАЕ	282
Глава 10. ЕНАФЬЯ	306
Глава 11. ПАТЕРИК	312
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	335
ПРИМЕЧАНИЯ	338

Гончаров Ю. М. Очерки истории городского быта дореволюционной Сибири (середина XIX — начало XX в.). 2004.

Книга описывает повседневную жизнь горожан Сибири второй половины XIX — начала XX в. Живой язык, многочисленные примеры, богатый иллюстративный материал позволяют читателю ярко представить быт городских жителей того времени. Автор рассматривает различные стороны жизни горожан — их социально-правовое положение, состав и численность городского населения, занятия и доходы горожан, а также облик и благоустройство сибирских городов, жилища, одежду, питание, досуг и развлечения горожан региона.

Книга представляет несомненный интерес для широкого круга читателей, интересующихся историей Сибири.

Шиловский М. В. «Полнейшая самоотверженная преданность науке». Г. Н. Потанин: Биографический очерк. 2004.

В монографии рассматриваются основные вехи жизненного пути выдающегося ученого и общественного деятеля Г. Н. Потанина (1835–1920), его вклад в комплексное изучение Центральной Азии (Сибирь, Казахстан, Монголия и Китай) в различных областях науки: географии, фольклористики, этнографии, истории, ботаники и т. д. Особое внимание обращается на концептуальные подходы выдающегося путешественника, вызвавшие многочисленные споры и неоднозначно воспринимаемые научным сообществом в настоящее время. Значительное место отводится анализу роли Г. Н. Потанина в общественно-политической и культурной жизни Сибири второй половины XIX — начала XX в. как идеолога сибирского областничества, впервые в истории России сформулировавшего основные подходы к обоснованию регионоведения.

Книга предназначена для всех интересующихся географическими открытиями в Центральной Азии и историей Сибири XIX — начала XX в.

Вишневский Е. В. Испытание океаном. Очерки морского путешествия на научно-исследовательском судне. 2004.

Книга путевых очерков о путешествии международной экспедиции по исследованию юго-западной части Тихого океана на борту научно-исследовательского судна «Академик А. Несмеянов». В ней описывается природа экзотических стран, обычаи живущих там людей, каботажный быт и работа исследователей.

Книга представляет интерес для любителей литературы о путешествиях.

Записка о Тобольской казенной палате / Авторы вступит. статьи: В. Е. Зубов, А. К. Кириллов. 2005.

Настоящая документальная публикация полностью посвящена одному документу, извлеченному из фондов Государственного архива г. Тобольска. «Записка о положении Тобольской казенной палаты» дает срез работы государственного финансового управления на губернском уровне на начало 1870-х годов. Подробнейшее описание, составленное самим начальником Палаты, помогает увидеть работу данного органа «изнутри», оценить логику действия и основные проблемы государственного аппарата на данном уровне. В то же время «За-

писка» дает материал для изучения тех тем, которые относились к сфере деятельности казенной палаты, прежде всего — налоговой отрасли. При этом материал, относящийся ко всей России, сочетается в «Записке» с освещением сибирских особенностей.

Публикация документа предваряется вступительной статьей, помогающей включить материал «Записки» в контекст исторического развития системы сибирских органов государственной власти. Во вступительной статье дается также обзор налоговой системы, являвшейся основной сферой деятельности Палаты.

Книга предназначена для специалистов — историков, юристов.

Ананьев Д. А. Воеводское управление Сибири в XVIII в. 2005.

В книге впервые предметом специального изучения стала история одного из важнейших элементов административной системы Сибири XVIII в. — воеводского управления. Возникнув и утвердившись в период зарождения и складывания абсолютной монархии, органы воеводского управления, объединявшие в себе военные, судебные, финансово-хозяйственные функции, пережили эпоху преобразований Петра I и просуществовали до начала 1780-х гг.

Работа написана на основе изучения преимущественно нового архивного материала — документов местных учреждений Сибири XVIII в., хранящихся в Росийском государственном архиве древних актов.

В книге анализируются принципы и фактический порядок взаимодействия сибирских воеводских учреждений с центральными и местными органами; рассматривается внутренняя организация работы органов воеводского управления; характеризуются изменения в личном составе сибирских воевод и впервые подробно рассматривается состав приказных служителей воеводских канцелярий; освещаются основные направления и конкретное содержание службы воевод в условиях Сибири XVIII в.

Книга предназначена для историков, а также для всех интересующихся историей Сибири.

В. Н. Скалон. Русские землепроходцы XVII века в Сибири. 2-е изд. 2005.

Книга В. Н. Скалона посвящена биографиям русских людей, которые открывали и присоединяли сибирские земли к России в XVII в. Среди землепроходцев были первые географы, наносившие на карту Сибири новые названия рек и гор, первые рудознатцы, открывшие такие несметные народные богатства как уголь, нефть, золото, первые «травники», описавшие лечебные свойства сибирских трав, первые знатоки животного мира, оставившие нам свои наблюдения и описания зверей и птиц.

Книга В. Н. Скалона — классика сибирской исторической литературы, в ее основе лежит огромный библиографический материал, блестяще обобщенный и проанализированный автором.

Предназначена для широкого круга читателей, интересующихся историей и культурой Сибири, а также для специалистов различных областей знаний.

Деловая элита старой Сибири: Исторические очерки. 2005.

Книга посвящена истории крупнейших предпринимательских фамилий Томской губернии. Томская губерния до 1917 г. относилась к числу наиболее развитых в социально-экономическом и культурном отношении регионов Сибири и включала в себя современный Алтайский край, Новосибирскую, Томскую, Кемеровскую области, республику Алтай и часть Восточно-Казахстанской области республики Казахстан. В книге даны подробные биографии крупнейших торговцев и промышленников Томска, Барнаула, Новониколаевска, Бийска, Колывани, Каинс-

ка, Камня, описана их предпринимательская, общественная, культурная, благотворительная деятельность.

Книга опирается на серьезную источниковую базу сибирских и центральных архивов. Многие из сведений вводятся в научный оборот впервые.

Издание предназначено для широкого круга читателей, интересующихся историей и культурой Сибири, а также для специалистов-историков.

ГОТОВИТСЯ К ВЫПУСКУ

Власть в Сибири XVI — начала XX века. 2-е изд., перераб. и доп.

Обширный и тщательно подготовленный справочник содержит уникальную подборку материалов по истории властных структур дореволюционной Сибири. Открывается справочник статьей об истории регионального управления Сибири XVI — начала XX в. В следующем разделе помещены статьи об органах государственного и местного самоуправления. Заключительный раздел включает около 300 биографических справок о судьях Сибирского приказа, о разрядных воеводах XVII в., сибирских и тобольских губернаторах, иркутских воеводах, о вице-губернаторах и губернаторах, генерал-губернаторах Западной и Восточной Сибири и губернаторах XIX в. Справочник сопровождается предметным и именовым указателями, содержит богатый иллюстративный материал.

Краткая энциклопедия по истории купечества и предпринимательства в Сибири (XVII — начало XX в.). 2-е изд., перераб. и доп.

Энциклопедия по истории купечества и предпринимательства Сибири, охватывающая период с XVII по начало XX века, является трудом большого числа ведущих ученых Сибири. В издании отражено многообразие процессов становления и развития наиболее крупных купеческих династий региона, показан их вклад не только в экономику края, но и их роль в истории сибирской культуры, общественной жизни, управлении, благотворительности. В Энциклопедии также дана характеристика наиболее известных представителей сибирского капитала.

Издание основывается на обширной источниковой и библиографической базе. Энциклопедия снабжена многочисленным иллюстративным материалом.

Издание предназначено как для специалистов, так и для широкого круга читателей, интересующихся историей и культурой сибирского региона.

Николай Николаевич Покровский

Путешествие за редкими книгами

Художник Ю. А. Далецкая
Корректоры Е. В. Панкратова, И. А. Шишулина
Технический редактор Н. Р. Наташина

Подписано в печать 01.06.05. Формат 70x100¹/₁₆.
Гарнитура GaramondC. Уч.-изд. л. 16,5. Усл. печ. л. 30,0.
Тираж 500. Заказ № 11-05.

Издательский дом «Сова»
630060, Новосибирск, 60, а/я 58.
Тел./факс: (383-2) 32-48-45
E-mail: id_sova@mail.ru

Типография ИД «Сова»
630060, Новосибирск, 60, Зеленая Горка, 1.